

Об онтологической подструктуре диалектического метода (очерк развития)

А.В. Чусов, И.Э. Фролов

Данная работа представляет собой первую часть исследования, главной целью которого является – методологический анализ и реконструкция реальных структур диалектического метода в его развитии, применении и трансформации в различных (прежде всего – общественных) науках и отграничение его от других философских и научных методов.

Авторы исходят из того, что в настоящее время основания для воспроизводства диалектической традиции мышления, обсуждения пределов её релевантности не только сохраняются, но и расширяются. Однако для адекватного отображения и воспроизводства в теории форм взаимодействия действительности ограничиваться уже существующими интерпретациями диалектики недостаточно. Расширение и усложнение общественных практик, включая техническое, технологическое и повседневно-вещное образование новых типов объективаций, возникающих вокруг человека вплоть до инноваций (возрастающих, начинающих самостоятельно развиваться, порождающих массу вторичных образований и т. д. и т. п.) требуют развития методов исследования экономической и других типов общественных реальностей. Сегодня вопросы "изменения", "нетождества", "возникновения", "исчезновения" и проч. приобретают новые аспекты и создают потребность как в новых формулировках, так и в реинтерпретации старых трактовок.

Диалектика всегда вызывала интерес философов, а впоследствии и ученых, по меньшей мере, в связи с тремя ключевыми основаниями. Во-первых, с античных времён диалектику, как и логику, считали учением о правильном рассуждении – эти две дисциплины изначально были близки, так сказать, "играли на одном поле". Во-вторых, диалектические проблемные пункты имеют устойчивую традицию, начиная с немецкой классической философии вплоть до настоящего времени в области мировоззренческих и идеологических оснований взглядов на человека, систему его знаний и мир вообще. В-третьих, в XX в. диалектика приобрела статус методологического учения среди значительной части научного сообщества – в особенности для советских учёных.

Диалектика исторически имеет связи с такими понятийными комплексами, как "(собственно) диалектика", "диалектическая логика" и "диалектический метод". В

настоящей статье мы пытаемся сделать акцент именно на диалектическом методе. Более точно, мы дадим краткий очерк развития онтологической подструктуры¹ диалектического метода с позиций критического² анализа методических и методологических структур диалектики и диалектического мышления.

В дальнейшем изложении мы будем исходить из некоторых относительно нестандартных исходных пунктов.

Во-первых, мы понимаем **метод** как *систему методологических регулятивов преобразования знаний и данных в целях получения некоторого типичного результата*.³

При этом мы основываемся на том наблюдении, что методология непосредственно представляет собой определенный синтез определенным образом выбранных и системно связанных друг с другом онтологии, логики, гносеологии, эпистемологии и семиотических структур. Заметим, что в методе должны присутствовать в превращённой форме отношения и связи, которые субъект методологической деятельности устанавливает: а) в мире, б) в системах знаний о мире и в) в своей позиции по отношению к обеим указанным сферам действий субъектов. Специфическое содержание метода состоит в структурах соединения действующего и познающего субъекта с предметом и объектом, что возможно по-разному. Чтобы реально применять какой-либо метод, необходимо предполагать: 1) онтологические (объективные в отношении данного познания) структуры материала, в котором осуществляется методическое движение познания; 2) специфические для данной предметной области гносеологические и эпистемологические соотношения между: а) исследованием как актом и действием, б) промежуточными результатами познания и в) критериями завершения исследования и интеграции его результатов в наличную систему знаний (получения результата отдельного исследования в статусе истины, окончательной для данного исследования и совместимой с ранее полученными истинами). Внедрение таких специфических отношений и придает результату отдельного исследования статус истины, окончательный для данного исследования и совместимый с ранее полученными истинами. Поэтому любая конкретная методология должна быть специфически определена, по меньшей мере, в отношении к предметно конкретным онтологиям, гносеологиям и эпистемологиям, а также собственной логикой развёртывания системы регулятивов (методологических принципов и др.

¹ Под *онтологией* здесь понимается система предположений о типах существования и несуществования объектов Мира, представленных в знании. Под *структурой* (подструктурой) – инвариант воспроизводящегося объекта.

² Критику мы понимаем по И. Канту как "исследование условий возможности".

³ Чусов А.В. Обоснование математики: логическая норма или предметно-конструктивная реальность. – В коллективной монографии: Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж, Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2006. с. 175-230.

средств), определяющих выбор действий по преобразованию данных и знаний, ведущих к некоторому типичному результату. Из этого следует, что в рамках одной и той же науки могут уживаться методы, непосредственно основанные на разных онтологиях. И реализуемые научные модели формируют многоуровневую реальность науки.

Во-вторых, мы считаем, что существует **структура метода** "как такового". Эта общая структура включает такие типы методических регулятивов как *категория*, *принцип*, *начало*, *логика* и (типичный) *результат*. Использование нами слов "типы" и "типичный" в первом приближении означает, что, указывая структуру метода, мы описываем не конкретное строение метода, а его *инварианты*. Иначе: одинаковые типичные элементы и отношения могут быть синтезированы в различных конкретных реализациях методов.

В-третьих, мы полагаем, что методический и методологический анализ, помимо выявления собственно методологических типов, необходимо должен учитывать такие **аспекты научного моделирования**, как: онтологический, гносеологический, эпистемологический, семиотический и логический (возможно выделять иные аспекты, можно, напротив, ставить вопрос о связи указанных аспектов; однако указанная проблематика в настоящее время является относительно непроработанной). Полная реализация метода требует осуществления всех пяти вышеуказанных структурных компонентов (подструктур).

В-четвёртых, мы считаем (основываясь на некотором варианте техники "последнего обоснования" [Letztbegründung] К.-О. Апеля), что общей схемой взаимоотношения объектов (и/или объективаций) мира является **взаимодействие**, и схема "объект – мир – взаимодействие" представляется необходимой предположенной конструкцией любого рассуждения.

В-пятых, **в рамках рассмотрения и представления объективного мира** (в т.ч. и общественных отношений) мы принимаем универсальность таких "технических" разновидностей диалектики как связь "непосредственного" и "опосредованного", "предполагания" и "полагания".

В дальнейшем изложении мы не будем специально останавливаться на конкретных исторических деталях философской, культурной или научной специфики применения конкретных реализаций диалектического метода. В статье делается упор на феноменологические⁴ и структурные (т.е. инвариантные) особенные моменты исследуемых предметов, каковые моменты *воспроизводятся* в рамках различных традиций, обнаруживая при этом определённое структурное единство. На наш взгляд, возможность обнаружения такого единства в диалектическом методе является одним из

⁴ Что означает, что мы будем описывать некие непосредственные формы предметной данности.

признаков того, что мы говорим о нём, как о некоем относительно самостоятельном объекте. Наша задача состоит в том, чтобы в указанных условиях описать типичные структурные элементы и отношения диалектического метода.

В настоящей статье исторические формы диалектики будут затронуты лишь в краткой форме.

Основной интерес и главную цель исследования представляет классическая диалектическая система К. Маркса. Она: а) явилась результатом развития философско-методологических позиций *от И. Канта до Г. Гегеля* и б) стала основанием как собственно философских, методологических, так и конкретно научных систем XX в.

В данном исследовании мы в основном опираемся на классические диалектические изыскания советских и зарубежных философов и методологов XX в., среди которых в первую очередь необходимо указать на Д. Лукача, Э. В. Ильенкова, В. А. Вазюлина⁵.

О начальных этапах развития диалектики

В область "начальных этапов" развития диалектики как метода, по нашему мнению, попадают весьма обширные исторические периоды Античности и Средневековья, фактически вплоть до Николая Кузанского (1401 – 1464 гг.). Здесь встаёт вопрос о феноменологических характеристиках присутствия диалектики в рассуждении. Мы полагаем, что даже при максимально широком понимании диалектики в случае отсутствия в рассуждении (по меньшей мере) пары противоположностей, последнее нельзя квалифицировать как диалектическое ни при каких обстоятельствах. Поэтому *минимальная ситуация присутствия/наличия диалектики* (феноменологический минимум присутствия) заключается в паре противоположностей (будь то свойства, понятия, суждения, действия, и др.).

Сам греческий термин "диалектика" этимологически связан не с "логосом", а с "лексисом" или "легейном". Известно, что *logos* (как и *lexis*) происходит от *legein*, что означает "говорить", "сказывать", но *logos* представляет собой цельное слово или внутренне цельное высказывание. Т.е. непосредственно слово "диалектика" можно было бы перевести не только как "разнословие", а лучше как "разноговорение".

Заметим, что начальное развитие диалектических структур происходило в ситуации спора и публичного доказательства в условиях развития полисной жизни

⁵ Мы также использовали идеи таких крупных и заслуживающих внимания фигур советской и зарубежной диалектической традиции, как Л. А. Маньковский, А. А. Зиновьев, Б. М. Грушин, З. М. Оруджев, Л. Альтюссер, Т. Адорно, Ю. Хабермас, В. П. Кузьмин, Г. А. Батищев, И. С. Нарский, Ж. А. Абдильдин и др., а также выходивших за её пределы философов вроде М. К. Мамардашвили, которые здесь могут быть лишь упомянуты, прежде всего, в связи с ограничениями тематики и объёма статьи.

Древней Греции. В это время диалектика развивалась как прикладная дисциплина и существенно зависела от личного риторического мастерства её носителя. И действительно, диалектика греческого периода носила характер прикладной дисциплины, её изучали как искусство спора.

Пафос выступлений Платона в его диалогах против софистов в значительной мере заключается не только в попытке отделить разговоры на высшие темы от разговоров, касающихся вещей низменных, но и в *понижении* общественного статуса ловких спорщиков. Отсутствие высшего принципа, вопросы и сомнения не позволяют полагать, что софисты находятся под покровительством богов.

По-видимому, можно также установить некую типичную связь между диалектикой и диалогом: *диалектика* по внутренней структуре всегда находится в некоторой оппозиции монологу.

Это исходное обстоятельство можно считать начальным описанием границ проблемного поля диалектики, поскольку из него исходят многочисленные исторические варианты диалектики как метода *многоречия*. Если рассматривать обычные *логические рассуждения* как совокупность не противоречащих друг другу линейных выводов, то *диалектика* должна давать рассуждения со *сменой направлений и оснований* мысли.

Пожалуй, первооткрывателями здесь были софисты (преподаватели искусств), сами научившиеся какому-либо искусству и *получавшие плату* за его преподавание. Чаще всего они преподавали искусство слова или риторике, а точнее, *технику риторики* [tekhne retorike]. При этом техника означала практику специалиста, т.е. обладала правильностью или кодифицированными правилами.

В частности, софисты исследовали искусство спора (Протагор), противосуждения (также Протагор), двойные речи (анонимный трактат *dissoi logoi*, который некоторые исследователи считают репликой Протагора). Однако о конкретном строении этих софистических искусств мы сейчас сказать не можем, поскольку тексты софистов практически не сохранились. О диалектике софистов уверенно можно сказать, пожалуй, лишь то, что в ней противоположные аргументы и положения используются для победы в споре.

Аналогичным диалектическим набором приёмов можно считать и применявшийся Сократом метод *испытания* [elenchos, который также может переводиться как "разбор", "рассмотрение", "опровержение"]. В нём испытывается, не противоречит ли кто-то сам себе в личных нравственных убеждениях. И тезис, выдвигаемый собеседником, считается опровергнутым, если выясняется, что он противоречит другим его убеждениям.

В дальнейшем как диалектиками, так и эристиками называли разных философов, испытавших влияние Сократа. В частности, так называли философов Мегарской школы.

Диалектика Платона и последующие диалектические позиции

Новый импульс в развитие понимания диалектики внёс Платон. В ходе своего выяснения отношений с софистами он специально обсуждал два типа их приёмов: "эристику" (нечестные уловки, внешние для аргументации и для сути рассуждения) и "антилогию" (представление одной и той же вещи одним и тем же людям как обладающей противоположными предикатами). И "Платон решительно не приемлет эристики, диалектику же непрестанно восхваляет. Антилогия занимает срединное положение между первой и второй: как техника, она нейтральна. В то же время антилогия предвосхищает диалектику, так как родственна *elenchos* – методу, применяемому Сократом в первых диалогах⁶.

Диалектика Платона образует некий пункт перехода (границу) между практикой, ремесленными умениями софистов и собственно философскими упражнениями. Она существенно основана, с одной стороны, на иерархии возможных предметов знания, а с другой – на иерархии уровней знания [gnosis], соотносящихся с состояниями мышления.

Возможные предметы знания иерархически подчинены "идее" [eidos] *блага*. Разные пути к знанию соответствуют типам знания. Общее содержание такого пути заключается в восхождении к высшим родам и обнаружении того, что все они необходимы для мышления. При этом мышление опирается на познание, которое в мышлении (т.е. в сфере умознания) выполняет те же функции, что и вера – в сфере мнения. Заметим, что здесь познание можно трактовать и как "понимание". Одно из оснований этой интерпретации является прокламируемая Платоном связь познания у человека с его глубинными внутренними состояниями, отвлечёнными от чувственного мира.

Диалектик, по Платону, "умеет ставить вопросы и давать ответы". Он "изобретателен в рассуждении и в объяснении сущностей [*ousia*]", ему "доступно доказательство сущности каждой вещи". Диалектика является средством выполнения такой существенной для Платона задачи, как *изменить направление* познавательных стремлений человека. По умолчанию они связаны со становлением, а разум требует

⁶ Греческая философия, том 1. Под ред. М. Канто-Спербер. Пер. с фр. Гайдамак В. П. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, - 2006 (1997). С. 116 - 117.

направить их на бытие⁷. При этом диалектика участвует в обнаружении общности и родства предметов, она проясняет их близость друг другу.

Диалектика со стороны целей её использования характеризуется как средство достижения сущности каждого предмета. Однако путь к сущности оказывается непрямым. Так, в "Государстве" описана структура диалектики как регулярного занятия. Она состоит из⁸: а) начального следования предположениям; б) нахождения того, что не предположительно; в) последующего осуществления выводов, относящихся к "эйдосам" в их взаимном отношении.

Конкретное онтологическое содержание этих регулятивов составляют элементы "теории" идей, в частности, утверждение абсолютно высшей позиции блага как идеи. Собственными *категориями метода* являются "сущность (вещи)" и "вывод из сущности". А "благо" (которое с методологической позиции описывается как "то, что не предположительно") выступает в роли ключевого *методического принципа* – его достижение *поворачивает* направление исследования. Типичным *результатом метода* должно быть понимание развитой (частично иерархической) системы сущностей, постигнутых в их отношении к себе и друг к другу. Анализ диалогов Платона показывает, что он уделяет довольно мало внимания таким структурным компонентам метода, как его *начало* и его *логика*. Отчасти это объясняется тем, что логика тут оказывается подчинённым средством – она определяется как вторичный метод "пустословия". *Начало* же для Платона всегда одинаково – чувственный мир (понимаемый, конечно, иначе, чем сейчас), от которого разумному мышлению следует отдаляться, и о котором не может быть знания [gnosis] в подлинном смысле этого слова.

Собственный предмет диалектического пути определяется через "устремление к сущности любого предмета". Это устремление нацелено, однако, не только на сам предмет, но и на такую промежуточную позицию, как сущность блага, выступающую в качестве "вершины умопостигаемого". И целью каждого частного движения познания

⁷ "...какое же познание, Главкон, могло бы увлечь душу от становления к бытию? ...это и есть тот самый напев, который выводит *диалектика*. Он *умопостигаем*. Когда же кто-нибудь делает попытку рассуждать, он, минуя ощущения, посредством одного лишь разума устремляется к *сущности* любого предмета и не отступает, пока при помощи самого мышления не постигнет *сущности блага*. Так он оказывается на вершине *умопостигаемого*, подобно тому как другой взошел на *вершину зримого*. Не назовешь ли ты этот путь *диалектическим*? Взятое *в целом*, занятие теми науками [mathema], о которых мы говорили, дает эту возможность и *ведет* прекраснейшее начало нашей души *ввысь*, к созерцанию самого *совершенного* в существующем...". (Государство. Кн. 7. 532a) (курсив наш - А. Ч. и И. Ф.).

⁸ "...вторым разделом умопостигаемого я называю то, чего наш разум достигает с помощью *диалектической способности*. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими *идеями* [eidos] в их взаимном отношении, и его *выводы* относятся только к ним". (Государство. Кн. 6. 511b) (курсив наш - А. Ч. и И. Ф.).

оказывается не одна эта высшая сущность, а последующий системный вывод из неё определённости, фиксирующих "сущность каждой вещи".

Заметим, что сущности и выводы являются у Платона типичными методическими предметами. А вот средства методического движения он описывает отдельно в диалоге "Парменид"⁹ как "упражнения в пустословии". Эти средства касаются рассуждений о противоположностях.

Из рассмотренных диалогов Платона вырисовываются следующие методологические требования:

- рассматривать каждую из противоположностей и
- производить все необходимые выводы по отношению к:
 - ней самой,
 - её противоположности,
 - всем иным парам противоположностей.

Особенно хочется подчеркнуть системную нетривиальность последнего регулятива. В нём речь идёт о доказательстве необходимости присутствия данной определённости в системе высказываний. К примеру, Парменид (из одноимённого диалога) показывает необходимость категории (высшего рода) "единое" для всех остальных категорий. На наш взгляд, в этом анализе структуры рассуждений проявляется знакомство Платона с математикой, которую он использует как образец сферы методических действий, подчинённой диалектике.

Эта подручная структура методически используемых в диалектике Платона средств существенно дополняет стандартную для софистики форму диалектических рассуждений. Есть стандартная софистическая процедура утверждения двух самостоятельно существующих противоположных определений (что с логической точки зрения является утверждением их одновременного полагания и противопологаания). Это равносильно проведению двух формально правильных линий рассуждения, обосновывающих необходимость каждой из противоположных определённости предмета мышления.

К такой структуре добавляется новая подструктура вывода – опосредованная необходимость выводов, а именно обоснование того факта, что обе линии *необходимы*.

⁹ "...что только ни предположишь ты существующим или несуществующим, или испытывающим какое-либо иное состояние, всякий раз должно рассматривать следствия как по отношению к *этому* предположению, так и по отношению к *прочим*, взятым поодиночке, и точно так же, когда они в большем числе или в совокупности. С другой стороны, это прочее тебе тоже следует всегда *рассматривать* в отношении как к *нему самому*, так и к *другому*, на чем бы ты ни остановил свой выбор и как бы ты ни предположил то, что предположил существующим или несуществующим...". (Парменид. 136b-c) (курсив наш - А. Ч. и И. Ф.).

В рамках воззрений Платона принятие этой структуры непосредственно выражается в том выводе (основоположении), что мыслящее рассуждение о высших родах не может обойтись без приписывания каждому из них формально и содержательно противоположных определённости (вроде "часть – целое", "движение – покой" и проч.). При этом каждая из линий приписывания и обоснования (по видимости) достаточно обоснована.

Таким образом, диалектика Платона включает две методические структуры: 1) частично упорядоченную иерархическую структуру собственно диалектики и 2) "ризоматическую" подструктуру системной проверки (исток и/или аналог концепции когерентной истинности).

Заметим, что, несмотря на существенную неразвитость у Платона собственно диалектического метода, его вклад в историю развития диалектики исключительно велик. Он собрал (но не развил) в проблемной области способов мышления весьма существенные идеи.¹⁰

- полагание иерархий выводов;
- подчинение цепи выводов некоторому принципу;
- системная связь положений;
- различие между методом исследования и методом изложения;
- исследование тезисов в модусе "как если бы" (als ob);
- необходимость противоположных категорий в исследовании предмета.

Признавая важность платоновского вклада в развитие методологических диалектических идей и постановку проблем, хочется всё же сказать, что он здесь существенно опередил время. Относительно более убедительной в его рассуждениях явилась только линия восхождения к высшему "эйдосу" блага, которая в основном и воспроизводилась у почти всех последующих авторов. Обратное движение от высшего блага ко всем вещам, которое, в принципе, должно было бы привести к выводу всех менее совершенных идей из одного безусловного основания, им нигде не было проведено. А "учебные" софистические изыскания остались практически невостребованными из-за их центрации на внутренней системности рассуждений, не связанной с определённой целью.

Мы не будем подробно рассматривать относительно самостоятельные диалектические позиции, в рамках которых в промежутке между Платоном и Николаем

¹⁰ Авторы отдают отчет в том, что из выделенных нами методических структур и других методологических определенностей, фиксируемых в диалогах Платона, непосредственно не следует, что сам мыслитель их осознал, последовательно и многократно применял. Этот этап развития диалектики характеризуется еще относительно неразвитой философской рефлексией. См.: например, *Васильева Т. В.* Путь к Платону. Любовь к мудрости, или Мудрость любви. М.: "Логос"; "Прогресс-Традиция", 1999.

Кузанским возникали те или иные отдельные моменты и способы диалектического мышления. В Средневековье направленность диалектики на противоположные тезисы сравнительно смягчается. Для нас достаточно указать, что диалектика сначала входила в ряд искусств наравне с грамматикой и риторикой. Но затем она всё более становится метатеорией рассуждений. Так, Скот Эриугена расширил школьное понимание диалектики и философии как свободных искусств, включив их в теологический контекст. Для него диалектика является не формой эрудиции и изобретением людей, а инструментом познания реальности и восхождения к Богу, инструментом исследования, постижения и разработки христианских истин в целом. Гуго Сен-Викторский ставит диалектику в череду таких рационально постижимых вещей, как математические формулы и логические принципы. П. Абеляр в своё понимание диалектики семантической дисциплины включает регулирующую и эвристическую функции: а) анализировать термины языка, находить их значения и функции соответствия обозначаемым вещам и способ их вхождения в структуру дискурса и б) показывать возможности продуктивного синтеза, сохраняющего аутентичность доктрины.

Тем не менее в последующем развитии диалектики их позиции играли роль скорее возрождения и отчасти экспликации платоновских положений.

Диалектика Николая Кузанского

На наш взгляд, существенное отличие диалектической позиции Николая из Кузы от его предшественников заключается не только и не столько в последовательной систематичности его диалектики, сколько в последовательном проведении им техники рассуждений о бесконечных предметах и о предметах, *становящихся бесконечными*. Платон связал диалектику с бытием и вроде бы исключил становление из числа предметов знания. Но в построениях Кузанца, использующих предельные рассуждения с участием математических моделей, как бы "через окно" вернулись структуры становления, продолжая некоторые *гностические мотивы*. Это стало возможным, поскольку такие модели вынуждают существенно изменить понимание целого и части¹¹. В определённом смысле он действует подобно Платону, который также пытался применить в рассуждениях методы, показавшие себя при рассуждении о математических предметах. Однако Платон не рассматривал бесконечность как нечто позитивное (объект и/или свойство), в соответствии со стандартным античным пониманием, согласно которому

¹¹ В своих символических математических примерах Кузанец, в частности, отождествляет бесконечное целое и бесконечную часть, недостаточно различая собственную и несобственную принадлежность.

ничто определённое не может быть бесконечным. Да и математика античности только начинала подходить к проблематике бесконечного (Евклид, Аполлоний).

В концепцию "учёного незнания" Николая Кузанского включена такая существенная формальная структура диалектического мышления, как высший синтез противоположностей. Он вводит в свои построения некий концепт, который имеет ряд различных названий, но в ходе рассуждения выясняется, что всё это – названия одного и того же. Названия, в частности, таковы: "максимум", "бесконечность", "единое", "бытие", "бог". Бесконечность здесь является актуальной. Николай из Кузы вводит актуальную бесконечность по аналогии с известным рассуждением о степенях совершенства (традиционно связанном с доказательством бытия бога). Однако *бесконечность* оказывается не только результатом, но и действенным средством рассуждения. Это диалектическое средство, поскольку в бесконечности совпадают противоположности. Для нас имеет значение тот факт, что в его концепции бесконечность становится *регулятивом* рассуждения, включающего противоположности.

Методологический статус понятие бесконечности приобретает из-за метатеоретического *принципа тождества*, который имеет истоки в неоплатоническом понимании единого, но у Кузанца радикально обновляется. Античные неоплатоники исключали из рассмотрения беспредельное – тождество в едином могли иметь только определённые сущие. А Николай *отождествляет* "максимум", "бесконечность", "единое", "бытие" и "бога". Он производит такое "смещение" благодаря технике анализа интуиций понимания, бывшей в ходу у гностиков и мистиков. Техника отождествления непосредственно заключается в том, что исследователь фиксирует в качестве объектов (и/или свойств объектов), принадлежащих модели, результаты своих переходов: а) от формальных определений к содержанию понятий и б) от содержания – обратно к формальным определениям¹². Позднее эта техника будет доведена практически до совершенства Гегелем.

Рациональные рассуждения у Кузанца являются вполне подчинёнными диалектическим, поскольку того требует ум – более высокая способность познания, нежели рассудок. Совпадение противоположностей связывается с рациональными методами рассуждений благодаря двум выдвинутым Кузанцем вспомогательным

¹² Вот пример подобных рассуждений у Кузанца: "Максимумом я называю то, больше чего ничего не может быть. Но такое преизобилие свойственно единому. Поэтому максимальность совпадает с единством, которое есть и бытие. Если такое единство универсальным и абсолютным образом возвышается над всякой относительностью и конкретной ограниченностью, то ему ничего и не противоположно по его абсолютной максимальности. Абсолютный максимум есть то единое, которое есть всё; в нём всё, поскольку он максимум; а поскольку ему ничто не противоположно, с ним совпадает и минимум". *Кузанский Н.* Сочинения в 2-х тт. М.: 1979. Т. 1. С. 51.

принципам (началам нижнего уровня), оказавшим большое влияние на западноевропейскую науку и философию. Во-первых, это принцип бесконечного приближения к истине¹³. Во-вторых, это принцип символического подобия.¹⁴ Два этих начала ограничивали рассудок и в то же время предоставляли определённую свободу рассуждений и давали средства для введения в них интуитивных соображений. В дальнейшем аналогичные интуитивные соображения в связке с математическими моделями непосредственно участвовали в разработке дифференциального и интегрального исчисления.

Таким образом, Николай Кузанский благодаря как своим спекулятивным способностям, так и своему посту кардинала католической церкви легитимировал рассуждения, включающие противоположности. Он эксплицировал идею актуально-потенциального синтеза противоположностей, в котором они "сохраняются" в некоем единстве, в отличие от предшествующих концепций, в которых противоположности как правило либо менялись местами, либо существовали наряду друг с другом. Он пытался также делать содержательные выводы из такого синтеза, но, на наш взгляд, без особого успеха.

Новое время, в отличие от предшествующих изысканий, поставило задачу определения отношения знания к опыту. Эта задача существенно расширила кругозор философских и научных исследований, поскольку была неявно основана на предположении о возникновении нового знания. Эта позиция была прямо противоположна стандартной средневековой гносеологической установке на то, что весь корпус знания уже налично дан (Богу) ещё до начала познания со стороны каждого единичного человека, и человек должен просто приближаться к уже известному в некотором смысле единственному знанию.

Мы здесь не будем касаться диалектических методологических моментов в сочинениях Фр. Бэкона, Дж. Толанда и других представителей "доклассического" периода. Обратимся к диалектическим идеям мыслителей, непосредственно исторически

¹³ "...все исследователи судят о неизвестном путем соразмеряющего (proportionabiliter) сравнения с чем-то уже знакомым, так что все исследуется в сравнении и через посредство пропорции. ...всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соразмерении. По этой причине бесконечное, ...ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным. ...Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. ...И чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы приступим к истине". *Кузанский Н.* Сочинения в 2-х тт. М.: 1979. Т. 1. С. 50.

¹⁴ Символическое подобие у Н. Кузанца представляет собой специально разработанную в сочинении "Берилл" концепцию, ключевыми компонентами которой являются символ/загадка, подобие, разные ступени бытия истины и соразмерность/измерение. См.: *Кузанский Н.* Сочинения в 2-х тт. М.: 1980. Т. 2. С. 97-99, 106, 109. Непосредственный материал для символических подобий доставляет математика, поскольку математические символы по Николаю Кузанскому обладают непреходящей достоверностью. См., например, *Кузанский Н.* Сочинения в 2-х тт. М.: 1979. Т. 1. С. 66.

связанных с дальнейшим развитием и модификациями диалектических построений. Это И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и К. Маркс.

И. Кант

Следующая значимая в нашем рассмотрении позиция связана с И. Кантом, поскольку именно его идеи были в основе диалектических исследований Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Прежде всего, И. Кант использовал пары противоположных определённостей в практике преподавания. Будучи сильно и существенно связан с наследием Просвещения, он, по выражению Н. Хинске, "мыслил парами предрассудков"¹⁵. Кант сознательно образовывал пары противоположностей, чтобы создать "равновесие ума, баланс, необходимый для вынесения собственного опирающегося на существо дела суждения, которое будет наконец чем-то большим, нежели простой предрассудок"¹⁶. Он давал студентам возможность "научиться ставить себя мысленно на различные точки зрения, взвешивать сравнительную силу аргументов и постигать сложность проблем"¹⁷. Другое, весьма существенное, основание включения противоположностей в рассуждения заключается в идее исправления одних суждений другими, которая у Канта приняла форму установки на плюрализм мнений в сочетании с идеей общечеловеческого разума¹⁸.

Но конструкции, включающие противоположные определённости, присутствуют в трудах Канта не только в качестве пропедевтического средства и общих установок. Они входят в его систему, будучи методически и предметно обоснованными.

Сложное отношение между диалектикой и методом утверждается в ходе длительного развития собственных представлений Канта о логике, в опоре на ключевые наработки Просвещения и непосредственно на "Выдержки из учения о разуме" Г. Ф. Майера. Кант шаг за шагом развил деление на учение об элементах (началах) и учение о методе, осуществлённое в "Критике чистого разума"¹⁹, "из старого различения между *logica theoretica* и *logica practica*, а также и из классического различения аналитики и диалектики"²⁰.

¹⁵ Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: афоризмы. М.: Культурная революция, 2007. С. 35.

¹⁶ Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума... С. 85.

¹⁷ Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума... С. 87.

¹⁸ Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума... Глава V.

¹⁹ Цитаты из "Критики чистого разума" приводятся далее в формате (КЧР. С. ...) по изданию: Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. ч. 1, Критика чистого разума. М.: Наука, 2006.

²⁰ Упрощенно говоря, "аналитика" – это изучение суждений самих по себе, а "классическая диалектика" – как пропедевтическая дисциплина, позволяющая рассматривать пары противоположностей. Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума... С. 42.

И. Кант определяет метод как "вид и способ, каким может быть *полностью познан* известный объект, для познания которого он может применяться"²¹ (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.), причём рассматривает метод как неотъемлемую часть системной точки зрения. Он считает, что "с общей точки зрения системы вообще... наука должна содержать, во-первых, *учение о началах* [в оригинале – *Elementarlehre* – А. Ч. и И. Ф.] и, во-вторых, *учение о методе*..."²². Частью учения о методе является трансцендентальная диалектика. Это вспомогательная дисциплина, которая не даёт истинных знаний, но помогает в *отличении* знаний истинных.

И. Кант разработал собственную "трансцендентальную диалектику" в противовес исторически сложившимся до него диалектическим рассуждениям. Как в своих лекциях по логике, так и во "Введении к трансцендентальной логике" в КЧР И. Кант оценивает исторически возникшую диалектику с точки зрения её отношения к общей логике, которую считает аналитикой познания. Диалектика является попыткой практического применения аналитики. Эта исторически возникшая диалектика претендует на статус органа для создания объективных утверждений, выходя за пределы компетенции логики. Она переходит от анализа форм познания к материальной истинности²³. Кант не приемлет такую позицию и в дальнейшем рассматривает диалектику как часть логики лишь "в форме *критики диалектической видимости*"²⁴ или как "логику видимости" (*Logik des Scheins*)²⁵. Диалектика у него существует как бы на границе разума. "Идеи чистого разума сами по себе никогда не могут быть диалектическими, и одно лишь злоупотребление ими приводит к тому, что у нас возникают иллюзии, вводящие в заблуждение"²⁶.

Трансцендентальная диалектика включается в систему Канта после трансцендентальной аналитики, в трёх книгах второго отдела "Трансцендентального учения об элементах". Предметом, исследуемым в отношении к чистому разуму, в них являются психологическая, космологическая и теологическая трансцендентальные идеи. Это, соответственно, понятия: "чистый разум", "диалектические умозаключения" и "идеал". Основная проблема здесь заключается в объяснении необходимости вывода положений, разных, вплоть до противоположности.

²¹ *Кант И.* Логика. В: Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 327.

²² КЧР. С. 83.

²³ КЧР. С. 149.

²⁴ КЧР. С. 151.

²⁵ КЧР. С. 455. См. также *Кант И.* Трактаты и письма. С. 324 - 325. На наш взгляд, И. Кант под "видимостью" понимал некоторую характеристику определенного положения дел в сфере "чистого разума", которая не имеет объективного значения.

²⁶ КЧР. С. 855.

По его мнению, основной задачей трансцендентальной диалектики является критика "рассудка и разума в их сверхфизическом употреблении... и предостережения его от софистического обмана"²⁷. Предметной областью диалектики становится то, что выходит "за пределы возможного опыта (мира)"²⁸. Она исследует "*трансцендентные понятия* чистого разума, ... трансцендентные и *диалектические умозаключения* чистого разума"²⁹. И диалектика играет в познании этой области в основном *негативную роль*, поскольку не связана с созданием нового знания. Интересно, что диалектическая видимость необходима, поскольку "существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума... которая неотъемлемо присуща человеческому разуму и не перестает обольщать его даже после того, как мы раскрыли ее ложный блеск"³⁰. Как логика видимости, диалектика имеет дело с категорическими, гипотетическими и разделительными рассуждениями³¹.

Но, несмотря на первоначальные указания на её подчинённую роль, оказывается, что в контексте замысла Канта диалектика имеет и собственные задачи. В письме Беку (20 января 1792 г.) он пишет: "...в диалектике чистого разума (в установлении его антиномий) мне представляется нужным показать, что предметы возможного познания в качестве предметов чувств позволяют нам познать объекты не как вещи сами по себе, а только как явления...".³² Это положение о собственной задаче трансцендентальной диалектики и развивается в "Критике": в отличие от логической диалектики, "которая отвлекается совершенно от всякого содержания познания и занимается только тем, что обнаруживает в форме умозаключений ложный блеск... [трансцендентальная диалектика – А. Ч. и И. Ф.] должна совершенно а priori содержать в себе источник определенных познаний из чистого разума и полученных путем умозаключения понятий, предмет которых никак не может быть дан эмпирически, так что они всецело находятся вне способности чистого рассудка".³³ Важно отметить, что И. Кант здесь требует ориентации правил вывода познания на *содержание познания*, в отличие от традиционной логической ориентации на его *форму*. Далее он более конкретно определяет задачи диалектики – исследовать три вида диалектических выводов, соответствующих видам умозаключений с точки зрения абсолютного (безусловного) синтетического единства всех условий вообще³⁴.

²⁷ КЧР. С. 153.

²⁸ "...außerhalb dem Felde möglicher Erfahrung (der Welt)". КЧР, с. 376 - 377.

²⁹ КЧР. С. 473.

³⁰ КЧР. С. 461.

³¹ По аналогии с видами умозаключений рассудка, о которых см.: КЧР, С. 467.

³² Кант И. Трактаты и письма, С.577.

³³ КЧР. С. 501.

³⁴ КЧР. С. 501.

Виды *единства представления* исследуются в: а) мыслящем субъекте, б) условиях явления и в) условиях предметов мышления вообще. Каждый из этих предметов, по Канту, является предметом отдельной науки – 1) учения о душе (психологии), 2) науки о мире (космологии) и 3) познания бога (теологии). Поскольку "чистый разум имеет отношение не прямо к предметам, а к понятиям рассудка о них", его понятия предопределены категориями и умозаключениями³⁵. Но разные *функции* умозаключений необходимо приводят к разным результатам синтеза: категорическое умозаключение – к понятию абсолютного единства мыслящего субъекта, гипотетическое – к идее абсолютно безусловного в некоем ряду данных условий, дизъюнктивное – к понятию существа всех существ. Кант считает, что правильным является *восхождение* в ряду условий к *безусловному* (к принципам), тогда как возможное с чисто логической точки зрения движение в обратном направлении – к *обусловленному* – неверно с трансцендентальной точки зрения³⁶. Таким образом, результатами диалектических умозаключений³⁷ являются три вида идей чистого разума: а) трансцендентальный паралогизм как вывод об абсолютном единстве субъекта, б) антиномия как *состояние разума* в заключениях о правильности противоположных друг другу выводов касательно мира в целом³⁸ и в) идеал чистого разума, т.е. "существо всех существ"³⁹.

Заметим, что с точки зрения наличия противоположностей трансцендентальный паралогизм является не вполне диалектическим, так как по Канту видимость единства субъекта является односторонней – ей не противостоит противоположная видимость⁴⁰. А вот антиномии являются более чем противоположностями – это противоборство законов [Widerstreit der Gesetze] "чистого разума", приводящее к его "раздвоению" [Zwiespalt] и "разладу" [Zerrüttungen]⁴¹. Антиномии, их причины и результаты являются предметом специального исследования, носящего название "антитетика чистого разума". Здесь исследуются противоречия, возникающие между положениями, каждое из которых "не только само по себе свободно от противоречий, но даже находит в природе разума условия своей необходимости"⁴². Кант называет *скептическим методом* этого исследования, заключающийся в том, чтобы присмотреться к обоим утверждениям "не для того, чтобы

³⁵ КЧР. С. 503.

³⁶ КЧР. С. 504 - 505.

³⁷ "...трансцендентальная (субъективная) реальность чистых понятий разума основывается на том, что к таким идеям нас приводит необходимое умозаключение". КЧР. С. 509.

³⁸ Здесь речь о синтетическом единстве ряда условий или абсолютной тотальности ряда условий.

³⁹ КЧР. С. 509, 511.

⁴⁰ КЧР. С. 549.

⁴¹ КЧР. С. 550.

⁴² КЧР. С. 567.

решить его в пользу той или иной стороны, а для того, чтобы исследовать, не пустой ли призрак сам предмет спора"⁴³.

Однако антитетика не завершает исследования противоречий, а лишь даёт материал для критического подхода. Она дополняется позицией трансцендентального идеализма и логическим рассмотрением основного аргумента антитетических умозаключений. Кант разрешает диалектическое затруднение разума, заключающееся в "разладе" его с самим собой, сначала проводя анализ основного аргумента. Результатом является показ того факта, что в этом аргументе смешаны чистые категории и понятия рассудка, и потому заблуждение состоит в неверном составлении силлогизма⁴⁴. Затем анализ содержания противоположных выводов (утверждений) показывает, что в них оба противоположных суждения могут быть ложными, поскольку основываются на ложном допущении существования как явлений самих по себе, так и мира самого по себе⁴⁵.

Что же касается трансцендентального идеала чистого разума, то он предполагает принцип полного определения всех вещей⁴⁶. Речь идёт о тотальности такого определения. Она рассматривается в основном в перспективе категориальной пары "безусловное – обусловленное", с использованием пары "возможное – необходимое". Здесь схема связи противоположностей присутствует в качестве индикатора реальности одной из этих определённости. Так, Кант пишет: "...кроме противоречия я, исходя из одних лишь чистых понятий *a priori*, не имею никакого иного признака невозможности"⁴⁷.

И в конце трансцендентальной диалектики Кант получает вывод о существовании системы понятий разума, связанных согласно единому объективному регулятивному принципу⁴⁸.

Резюмируя онтологические и методологические позиции И. Канта в соответствие с темой исследования, зафиксируем следующие положения:

1. И. Кант не рассматривал противоположности как компоненты *основного предмета* метода. На наш взгляд, принятие им методологического *принципа непротиворечия* связано с господствующей в его исследовании позицией *синтеза*. Этот принцип и приводит к представлению о *диалектике как логике видимости* – если считать, что синтез "прочнее" укоренён в онтологии (по сравнению с другими актами субъекта).

2. Тем не менее И. Кант утвердил учение о диалектике как о *дисциплине анализа содержания мысли*, в противоположность чисто формальному логическому анализу

⁴³ КЧР. С. 568 - 571.

⁴⁴ КЧР. С. 658 - 659.

⁴⁵ КЧР. С. 664 - 669.

⁴⁶ КЧР. С. 740 - 741.

⁴⁷ КЧР. С. 769.

⁴⁸ КЧР. С. 867.

формы мысли. При этом он разработал существенно новые процедуры анализа форм и значений при рассмотрении заблуждений разума.

3. И. Кант последовательно разрабатывает и проясняет связи определений мира со структурами субъекта (в чувственности, в рассудке, в разуме). Позиция синтеза полагается им как внутренняя структурная характеристика всякого акта познания, непосредственно выраженная как *единство многообразного*. Для нас важно отметить, что в структуре метода Канта синтез специально не тематизируется.

4. В противоположность характерному для Средних веков пониманию диалектики как учебной дисциплины, находящейся в ряду чисто лингвистических дисциплин, И. Кант, опираясь на идею "различных необходимых состояний одного и того же разума", разработал на новой основе античное представление о диалектике как об экспликации *противоборства* разных положений. Он также изменил представление о месте диалектики в структуре метода.

Г. В. Ф. Гегель

И Фихте, и Шеллинг, и Гегель в качестве исходного пункта своих работ приняли кантовскую установку на прояснение связи определений мира со структурами субъекта. Но с историческим развитием форм диалектики связана именно система Гегеля, в которой диалектические приёмы рассуждения не просто систематически использованы как одно из средств мышления – на них существенно основаны все делаемые Гегелем выводы.

Гегель значительно изменил систему диалектики, во многом завершив ее становление в классической форме. Он придал ей онтологический статус и смысл⁴⁹, диалектически разработал более ста понятийно-категориальных определённостей⁵⁰. Относительно полное выявление особенностей метода Гегеля, их становления и развития могло бы стать предметом отдельной работы. Для нас важно, что метод становится непосредственным предметом рассмотрения Гегеля, в основном, в "Феноменологии духа"

⁴⁹ Онтологический аспект (нечётко отделённый от методологического) обычно находился в центре внимания советских исследователей гегелевской диалектики. Напр.: "...категории у Гегеля стали всеобщими формами не только познания, но и самого объективного мира, а социальный мир истолкован им как продукт опредмеченного мышления. ...Впервые в истории философии он создал развитую теорию диалектики как логики и как метода, соединив диалектику и логику в единую концепцию диалектической логики, в рамках которой логическое мышление приобрело облик объективного категориального знания". (История диалектики. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1978. С. 216 - 217)

⁵⁰ Категории и понятия в работах Гегеля не имеют самостоятельного значения – они входят в состав конкретного мышления как *моменты* действительного отношения субъекта. Мы усматриваем в этом одну из наиболее важных в последующей истории диалектики идей – о неабсолютном характере базисных понятий и категорий.

(1807 г.) и "Науке логики" (1812-1816 гг.)⁵¹, и мы ограничимся выявлением основных методологических особенностей диалектики Гегеля на материале этих работ.

Проблематика метода возникает в ходе решения **основной задачи**: *описать систему возникновения истинного знания*. Гегель исходит из того, что "...знание действительно и может быть изложено только как наука или как система..."⁵², но обычный субъект не подготовлен к восприятию науки. Поэтому в ФД проводится исследование *неистинного* (ненаучного) *знания*, а в НЛ рассмотрено возникновение *истинного знания*.

В ФД высказаны основные методологические положения, которые затем развиваются и уточняются в НЛ. Интересно, что задачу развития обоснованных знаний Гегель определяет во Введении к ФД в связи с имманентной критикой оснований знания: "Если опровержение основательно, то оно из него самого [из принципа] заимствовано и развито, а не выдвинуто извне на основании противоположных уверений и выдумок. Следовательно, такое опровержение было бы... его, принципа, развитием и тем самым восполнением его недостаточности – если оно не сделает ошибку в том отношении, что обратит внимание только на негативную сторону своих действий и не будет сознавать своего продвижения и результата также с их положительной стороны"⁵³. В этом отрывке представлен набросок методологического смысла тех операций (*методологических регулятивов*), которые затем будут последовательно проведены в тексте ФД: "полагание", "отрицание" и "синтез". Фактически они образуют логическую структуру движения мысли в ФД, которая затем повторится в НЛ в несколько изменённом виде. Здесь Гегель развивает высказанные ещё в превращенной форме Платоном и несколько доработанные Кантом методологические диалектические требования: исследовать основоположения (аксиомы, начала, принципы) как обладающие двойственной доказательностью, равно как и в аспекте их связи внутри некой общей системы. Таким образом, диалектика у Гегеля возникает как *критика оснований знания*, причём критика с имманентной позиции.

⁵¹ Далее мы будем сокращать: "Феноменология духа" – ФД, "Наука логики" – НЛ. Цитаты из немецкого текста "Феноменологии духа" приводятся далее по изданию: Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. Philipp Reclam Jun. Stuttgart, 1987 - в формате (PhG. S. ...). Цитаты на русском языке приводятся по изданию: Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа*. Перевод Г. Шпета. С-Пб. Наука, 2006 - в формате (ФД. С. ...). Гегель разрабатывал корпус своей системы как в специальной доктринальной работе "Наука логики" (три части которой вышли в 1812 - 1816 гг.), так и в работах, посвящённых популяризации и развёртыванию основных положений – это "Энциклопедия философских наук" (1817г., переработанные издания в 1827 и 1830 гг.) и лекции по разным философским предметам, читавшиеся им практически всю жизнь. Поскольку "Энциклопедия философских наук" имела статус популяризации, мы, в первом приближении, будем считать, что отличия приводимых в ней формулировок от аналогичных, имеющих место в "Большой логике", определяются в основном пропедевтическими соображениями.

⁵² PhG. S. 24; ФД. С. 12.

⁵³ ФД. С. 12; PhG. S. 25.

Непосредственно система Гегеля развёртывается через ряд полаганий и противоположаний вербальных определений. Э. В. Ильенков метко замечает, что для Гегеля "язык оказывается той привилегированной формой внешнего проявления, в стихии которой мышление и начинается, и заканчивает работу самопознания". Поэтому проявление результатов мышления у Гегеля "реализуется и существует (обладает "наличным бытием") именно через ...акт понимающего толкования текста, то есть непосредственно как система значений слов, выражающих идеальную схему мироздания, его категориальную схему"⁵⁴ (подчёркивание наше – А. Ч. и И. Ф.).

Специально проблемы метода рассматриваются в Предисловии к ФД, где, в частности, присутствует ключевой для гегелевской методологии концепт *тотальности истины*. При обсуждении реализации метода возникает ключевая компонента его понимания: *результат* как целое – чтобы быть действительным – должен представлять собой тотальность (от лат. totus = весь, целый, совокупный, всё). В качестве базисной аналогии для тотальности выступает цветок. В дальнейшем рассуждении научная система истины связана с "развитием формы" благодаря предварительному определению потребного результата. Гегель противопоставляет "внешнему материалу" и "произвольным выдумкам" "то, что требуется – из себя самого истекающее богатство и само себя определяющее различие форм"⁵⁵.

Обратим внимание на некоторые специальные предпосылки понимания, определяющие специфику гегелевской концепции метода. Это: живое (само)развитие субъекта; абсолютная истина; целостность истины и знания; непрерывность истины в ходе познания. В целом, "научный метод" для него есть "истинный путь к истине", причём конечным результатом применения метода является сама истина, в её жизни как целого [Leben des Ganzes]. Такая истина может быть представлена в виде научной системы: "Истинный образ, в котором существует истина, может быть лишь самой научной системой"⁵⁶.

Рассматривая развитие сознания до уровня науки и понятие *абсолютного как субъекта*, Гегель указывает на недостаточность понимания истины только лишь как предиката или характеристики лишь знания. "На мой взгляд, который должен быть оправдан только изложением самой системы, все дело в том, чтобы понять и выразить

⁵⁴ Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика. В: Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. С. 79 - 80.

⁵⁵ В немецком тексте: "...der aus sich entspringende Reichtum und sich selbst bestimmende Unterschied der Gestalten." PhG. S. 19. Шпет переводит Gestalt иногда словом "форма", а иногда – "образ". Учитывая большую роль производной формы слова Gestaltung в ФД, на наш взгляд, следует переводить эти слова как "образы" и "образования". См.: ФД. С. 8.

⁵⁶ PhG. S. 12; ФД. С. 3.

истинное не как *субстанцию только*, но равным образом и как *субъект*. В то же время надо заметить, что субстанциальность в такой же степени включает в себе всеобщее, или непосредственность самого знания, как и ту [непосредственность], которая есть *бытие*, или непосредственность для знания"⁵⁷ (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.). Это понимание связано с механизмами осуществления истины: субстанция имеет как логические, так и актуальные определения⁵⁸ и действует в определенной форме. Определенность цели возникает в связи между импульсом, стремлением и движением (которые ассоциируются с субстанцией как действием), с одной стороны, и с истиной (которая лежит на стороне субъекта) – с другой. Это весьма радикально решает проблему связи между *началом* и *результатом*: они должны быть тождественны. Он пишет: "Результат только потому тождествен началу, что начало есть цель"; или: "... действительное только потому тождественно своему понятию, что непосредственное в нем самом имеет в качестве цели самость или чистую действительность"⁵⁹. Здесь мы видим онтологическую идею существования истины как чего-то большего, нежели предикат, а именно как абсолютного субъекта: "То, что истинное действительно только как система, или то, что субстанция по существу есть субъект, выражено в представлении, которое провозглашает абсолютное духом..."⁶⁰.

Дальнейшее развитие идеи субъектности истины у Гегеля намечается в модусах сущности и действительности – посредством процесса определения: "Философия... не рассматривает несущественного определения, а рассматривает определение, поскольку оно существенно; не абстрактное или недействительное – ее стихия и содержание, а *действительное*, само-себя-полагающее и внутри-себя-живущее, *наличное бытие* в своем понятии. Это процесс, который создает себе свои моменты и проходит их, и все это движение в целом составляет положительное и его *истину*"⁶¹ (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.). Эта идея на этапе ФД не может быть развита в более конкретных членениях, а должна найти свое воплощение в системе логики, о чем Гегель и пишет: "Могло бы показаться, что необходимо заранее дать более подробные указания относительно метода этого движения или науки. Но понятие этого метода заключается уже в том, что сказано, а

⁵⁷ PhG. S.20; ФД. С. 9.

⁵⁸ Приведём сравнительно большую цитату: "Субстанция как субъект есть чистая простая негативность, и именно поэтому она есть раздвоение простого, или противоположающее удвоение, которое опять-таки есть негация этого равнодушного различия и его противоположности; только это восстанавливающееся равенство или рефлексия в себя самое в инобытии, а не некоторое первоначальное единство как таковое или непосредственное единство как таковое, – есть то, что истинно. Оно есть становление себя самого, круг, который предполагает в качестве своей цели и имеет началом свой конец и который действителен только через свое осуществление и свой конец." PhG. S. 20; ФД. С. 9.

⁵⁹ PhG, S.22; ФД. С. 10.

⁶⁰ PhG, S. 25; ФД. С. 12.

⁶¹ PhG, S. 42; ФД. С. 24.

изложение его в собственном смысле относится к логике или, вернее, есть сама логика. Ибо метод есть не что иное, как все сооружение в целом, воздвигнутое в его чистой сущности"⁶². Заметим, что Гегель, очевидно, имеет здесь в виду определения de re⁶³. Осуществить их возможно благодаря указанному выше отождествлению субстанции с субъектом. Движение сущего через фазы "полагания вовне" и "возвращения в себя" восстанавливает непосредственность бытия, но, по мысли Гегеля, еще и обогащает понятие тем, что понятие присваивает себе моменты внешнего осуществления. "Именно этим способом содержание показывает, что его определенность не принята от другого и не пристегнута [к нему], но оно само сообщает ее себе и, исходя из себя, определяет себя в качестве момента и устанавливает себе место внутри целого"⁶⁴.

Наш специальный угол зрения на проблемы метода Гегеля начинается с того замечания, что в ФД вопросы метода развиваются во внутренней связи с концептом объективации. Начало этой проблематики можно усмотреть в идее Канта об "объективном значении" в познании⁶⁵. Эта идея выражает естественное требование к познавательной деятельности: последняя должна иметь самостоятельные результаты или результаты, которые нельзя изменять по произволу субъекта. После Канта эту идею развивает Шеллинг в понятии "объективирующая деятельность" [objectivirte Tätigkeit]. А непосредственно в ФД у Гегеля она выражена в форме различения истинных и неистинных форм движения сознания (в дальнейшем эта идея развивается в концепциях "отчуждения", "превращенных форм" и "объективации" [Objektivierung] у Маркса, Лукача и Мамардашвили).

Заметим, что проблема "самостоятельности" результатов познания в ФД и в НЛ весьма различна, прежде всего, потому, что в ФД предмет составляет лишь "являющееся знание" и образует предпосылку научного знания. Гегель говорит, что "*Полнота* форм нереального сознания [сама] получается в силу самой необходимости дальнейшего движения и взаимной связи"⁶⁶. ФД представляет собой движение по полному ряду форм нереального сознания. Рассматривая переходы между содержаниями сознания, Гегель различает формы их относительно самостоятельного существования как форму предмета

⁶² PhG, S. 42 - 43; ФД. С. 25.

⁶³ В современной кванторной модальной логике модальность de re означает приписывание содержания модального оператора объекту, а не высказыванию об объекте. Иными словами, если мы интерпретируем утверждение, содержащее модальное понятие (допустим, понятие "необходимо") в рамках модальности de re, то мы утверждаем, что объект, указываемый именем, необходимо обладает некоторым свойством. Иными словами, в случае интерпретации de re необходимость приписывается предикации вещи некоторого свойства.

⁶⁴ PhG. S. 47; ФД. С. 28.

⁶⁵ Для Канта отношение понятий к возможному опыту определяет их объективную значимость, иначе говоря, понятия не являются лишь игрой воображения или рассудка своими представлениями. КЧР. С. 397.

⁶⁶ PhG. S. 70; ФД. С. 45.

и форму знания: "...что сперва казалось *предметом*, низведено для сознания до знания о нем, а то, что в себе, становится некоторым бытием этого "в себе" для сознания, то есть это *новый предмет*, вместе с которым выступает и *новая форма существования* [образ] сознания, для которой *сущность* есть нечто *иное*, чем для *предшествующей формы*. Это-то обстоятельство и направляет всю последовательность форм существования [образов] сознания в ее необходимости"⁶⁷ (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.). Но объективность знания как цель требует специфических средств методического движения. Ведь если дан единичный самостоятельный (т.е. не связанный с иными, внешними определениями) результат познания, то его одного недостаточно для установления связи между активным субъектом и системой абсолютного знания. Гегель пытается разрешить проблему, выдвигая синтетический принцип тождества истины, субстанции и субъекта.

По поводу понятия "субстанции" следует заметить, что, начиная с ранних работ, Кант рассматривал субстанцию, как самостоятельное существование в структуре мира. Но и исторически это понятие связано с такой определённой самостоятельностью в аспекте действия и/или реакции, поскольку наиболее известные предшествующие определения субстанции (Бозций, Спиноза) включают *актуальность действия*. Поэтому можно говорить о значительной роли "самостоятельного" в ФД (понимая под этим как рассмотрение тех или иных понятий в ключе их самостоятельности, так и различных служебных упоминаний субстанциальных определённостей вроде активности, действия, реакции, актуальности, полагания и проч.). И главное различие между ФД и НЛ заключается в том, что в первой *промежуточные результаты* применения метода существуют *самостоятельно*. Они являются вехами на пути, по которому душа "проходит ряд своих формообразований, как ступеней, предназначенных ей ее природой"⁶⁸. На протяжении ФД Гегель использует самостоятельность не только как атрибут позиции субъекта в его закономерно возникающих отношениях к вещам, но и как *принцип*, задающий новое направление движения исследования. И все формы движения опыта Гегель рассматривает как ограниченные формы "неистинной" субстанциальности. В целом же неистинные "квази-субстанции" связаны в движении опыта посредством понятия "всеобщего".

Исследуя и устанавливая объективации опыта, Гегель устанавливает, что они находятся в пределах специфических сфер субъектной жизни, вложенных друг в друга. Всеобщие формы движения сознания "снимаются" [aufheben] в *самосознании*. Далее, всеобщие формы движения самосознания снимаются в *воле*. И, наконец, всеобщие формы

⁶⁷ PhG. S. 76; ФД. С. 49.

⁶⁸ PhG. S. 69; ФД. С. 44.

движения духа снимаются в *абсолютной воле*. Само наличие ступеней развития показывает, что движение опыта в рассмотрении, принятом в ФД, является для Гегеля основанием для чего-то иного, чем знание. Этим иным являются "образования сознания", возникающие в качестве реальных, например, позиция скептицизма, возникающая в ходе жизни свободного самосознания.⁶⁹ Особо отметим, что в ряду таких образований, как "овнешнение" [Entäußerung], "отчуждение" [Entfremdung] и "раздвоение" [Zwiespalt] Гегель, в частности, выделяет и объективации, не придавая им при этом особого значения. Общим основанием понимания этих внешних образов является рассмотрение их как "негаций", т.е. конструкций со смыслом *небытия*. Таким образом, компоненты промежуточного результата метода Гегеля в ФД можно определить как *противоположение результатов* двух противоположно направленных субъектных актов: "негации" (субстантивации или, в наших терминах, – объективации) и "субъективации", причём все субстантивации находятся на стороне "неистинного" и "нереального", а все позитивные характеристики достаются на долю *субъективаций*.

В определённой связи с проблемой неподлинности находится, на наш взгляд, и неравномерность строения ФД. Многие гегелеведы указывают в качестве одной из особенных форм движения метода в ФД (по сравнению с НЛ) то, что в ней нет строгого тройного членения глав, соответствующего развитию рассматриваемых предметов. Этот факт, на наш взгляд, объясняется именно специальным соотношением между самостоятельностью промежуточных результатов и итоговым синтезом субъективных определённостей в виде "духа, знающего себя как духа"⁷⁰.

Говоря о *типе результата* в методе ФД, отметим его особую форму. Это результат, синтезирующий в себе диалектические определённости или противоречивые моменты. По отношению к противоречащим друг другу моментам в ходе развития истины Гегель считает, что "их текучая природа делает их одновременно моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг с другом, но и один так же необходим, как и другой, и эта равная необходимость впервые создаёт жизнь целого"⁷¹. Здесь же он указывает и на то, что "...суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат

⁶⁹ ...die Negativität des freien Selbstbewusstseins wird sich an dieser mannigfaltigen Gestaltung des Lebens zur realen Negativität... PhG. S. 153; ФД. С. 109.

⁷⁰ PhG. S. 566; ФД. С. 434.

⁷¹ Это авторский перевод положения Гегеля: "Aber ihre flüssige Natur macht sie zugleich zu Momenten der organischen Einheit, worin sie sich nicht nur nicht widerstreiten, sondern eins so notwendig als das andere ist, und diese gleiche Notwendigkeit macht erst das Leben des Ganzen aus". PhG. S. 10. В переводе Шпета оно выглядит несколько иначе: "их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого". ФД. С. 2.

вместе со своим становлением..."⁷². Таким образом, в ФД Гегель предвосхищает конструкции, впоследствии разработанные в "Логике". Заметим, что бытие понятия характеризуется Гегелем как логическая необходимость: "В этой природе того, что есть: быть в своем бытии своим понятием – и состоит вообще логическая необходимость; она одна есть разумное и ритм органического целого, она в такой же мере есть знание содержания, в какой содержание есть понятие и сущность..."⁷³. *Необходимость* тут понимается не как модус суждения или вывода, а как внутренняя согласованность частей.

Результаты, получаемые в ходе развёртывания форм неистинного сознания как самостоятельных квази-вещей, непосредственно налично очевидны. Вообще-то развитие субстанциальных определений объектов мира могло бы привести к утверждению внутренней независимости мира от его творца или к позиции принципиальной относительности истины. Но позиция Гегеля по факту ограничена признанием абсолютной истины, и потому он считает неистинные образования лишь нереальными феноменами, возникающими на пути движения к единой абсолютной истине. И тем не менее у них есть своя необходимость: "*Полнота* форм нереального сознания [сама] получается в силу самой необходимости дальнейшего движения и взаимной связи"⁷⁴. На наш взгляд, *необходимость* здесь является следствием кантовской идеи построения мира на основании структур чистого субъекта. Но Гегель доработал эту идею, обратив внимание на необходимость внутреннего развития субъективных форм восприятия мира, *опосредованного* внешними формами, в противоположность позиции Канта, где структуры субъекта вполне априорны и неизменны.

Именно необходимость появления новых формообразований (объективаций) и стала основанием для последующих онтологических интерпретаций гегелевской системы в духе построения всеобщей системы мира. Но в НЛ Гегель, признавая "бесконечную важность" того взгляда Канта, что диалектика необходима для разума (но как вспомогательная дисциплина), всё же сознательно отошёл от кантовских позиций: он заявил, что считает предрассудком то мнение, "...будто диалектика имеет лишь отрицательный результат..."⁷⁵.

Обычно при описании гегелевской диалектики упоминают внешнюю форму его логики, заключающуюся в тройке "тезис – антитезис – синтез". Другая стандартная оценка диалектики Гегеля касается предметного содержания его метода и состоит в том, что это

⁷² PhG. S. 153; ФД. С. 109.

⁷³ PhG. S. 50; ФД. С. 30 - 31.

⁷⁴ PhG. S. 70; ФД. С. 45.

⁷⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972. С. 297. Далее цитируется в формате: (НЛ-III. С. ...).

логика развития. Обе оценки имеют солидные основания, но требуют дополнения с точки зрения выявления конкретных методологических регулятивов.

Приведём пример одного из гегелевских приёмов рассуждения: "...непосредственное *благодаря снятию опосредствования*, простое *через снятие различия*, положительное через снятие отрицательного, понятие, реализовавшее себя через инобытие, слившееся с собой через снятие этой реальности и восстановившее свою абсолютную реальность, свое простое соотношение с собой. Этот *результат* есть поэтому *истина*. Он *настолько же* непосредственность, *насколько* и опосредование. Но эти формы суждения: "Третье *есть* непосредственность и опосредование" или: "Оно *есть* их *единство*" – не в состоянии уловить его, ибо оно не третье, находящееся в состоянии покоя, а есть в качестве этого единства опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность"⁷⁶. В этом примере проявляется одна из диалектических конструкций, характерных для той стадии развития диалектики, которой она достигла в немецкой классической философии: в триаде "тезис – антитезис – синтез" *на место синтеза, как правило, подставляется тезис*. Иначе говоря, когда имеются два понятия, Гегель снимает их противоположность путем переноса первого из них на следующий уровень строения своей системы. При этом понятие становится основанием синтеза себя и своей противоположности. Иной структурно аналогичный пример даёт, к примеру, Б. Спиноза: "истина есть критерий себя и лжи".

Рассмотрение метода в НЛ производится в самом её конце, в главе "Абсолютная идея"⁷⁷. Метод определяется как "всеобщность формы содержания"⁷⁸ и как "система целокупности [тотальности]"⁷⁹. Кратко опишем, как сам Гегель фиксирует определённость своего метода в НЛ в главе "Абсолютная идея", где метод впервые с момента начала НЛ становится предметом подробного исследования.

Специальное рассуждение о методе начинается с общей постановки задачи и описания того, как из абсолютной идеи возникает метод. Здесь речь идёт о самой идее⁸⁰ и

⁷⁶ НЛ-III. С. 303.

⁷⁷ Ряд моментов понимания метода разъясняется Гегелем в предшествующих главах и разделах, среди которых важна, прежде всего, диалектика цели и средства (она рассматривается в разделе "Объективность", в главе "Телеология"). Кроме того, непосредственное отношение к развитию представления о методе имеет отношение теоретической и практической идей, которым в разделе "Идея познания", в главе 2 посвящены, соответственно, подпункты "А. Идея истинного" и "Б. Идея блага".

⁷⁸ НЛ-III. С. 290.

⁷⁹ НЛ-III. С. 306. Кроме того, метод определяется со стороны актов субъекта как: "само себя знающее понятие, имеющее своим предметом себя как столь же субъективное, сколь и объективное абсолютное, ... полное соответствие между понятием и его реальностью, ... существование, которое само есть понятие" (НЛ-III. С. 290); как "высшая абсолютная сила разума и его побуждение познать себя во всем через самого себя" (НЛ-III. С. 291).

⁸⁰ НЛ-III. С. 288 - 290.

о методе.⁸¹ Далее идут два явно выделенных самим Гегелем пункта. Первый начинается с обсуждения такого определения метода как *начало*⁸². Второй пункт посвящён развитию конкретной тотальности посредством её саморазличений, и диалектике как опосредованию между *началом* и *результатом*⁸³. Эти рассуждения переходят в обсуждение получения *результата* в виде снятия противоречия и установления "положительного, тождественного, всеобщего"⁸⁴. Далее следует указание на то, что структуру метода можно считать как троичной, так и четверной⁸⁵. Последующие рассуждения о единстве результата и о его абсолютности⁸⁶ ничего не добавляют к этой структуре, поскольку посвящены уже обсуждению того, какой же результат достигнут во всём предыдущем ходе мысли.

Начало для Гегеля – это понятие, но понятие "непосредственное, имеющее смысл и форму абстрактной всеобщности"⁸⁷, простая и всеобщая определённость.⁸⁸ Недостатком начала является его неразвитость, и движение метода, собственно и устраняет этот недостаток. Движение метода (логика развертывания) происходит в форме выделения и синтеза моментов. Здесь присутствуют и анализ, разлагающий содержание начального понятия на элементы⁸⁹, и синтез, создающий нечто иное в самом понятии⁹⁰. Единство анализа и синтеза оказывается *диалектикой*. **Метод** движется от *начала* как от всеобщего – к единичному и конкретному *результату*⁹¹. А средством этого движения является диалектика, *снимающая* ограниченность локально неистинных положений.

С внешней позиции, развитие категорий, понятий и концептов в системе Гегеля почти повсеместно происходит в следующей форме рассуждения:

1. Объект становится непосредственным предметом рассмотрения (но его упоминания могут встречаться как до, так и после): вводятся *начальные определения* предмета.
2. Происходит внутреннее развитие начальных определений предмета в форме обращения к интуициям понимания в категориальной позиции **непосредственного** рассмотрения предмета (его собственного, внутреннего определения, которое, на наш взгляд, и является у Гегеля формой существования "в-себе").

⁸¹ НЛ-III. С. 290 - 292.

⁸² НЛ-III. С. 292 - 295.

⁸³ НЛ-III. С. 295 - 303.

⁸⁴ НЛ-III. С. 302.

⁸⁵ НЛ-III. С. 302.

⁸⁶ НЛ-III. С. 303 - 310.

⁸⁷ НЛ-III. С. 292.

⁸⁸ НЛ-III. С. 293.

⁸⁹ НЛ-III. С. 295.

⁹⁰ НЛ-III. С. 295 - 296.

⁹¹ НЛ-III. С. 303.

3. Происходит дальнейшее их развитие в форме обращения к интуициям понимания в категориальной позиции **опосредствованного** рассмотрения предмета (в форме существования предмета в мире, которая, на наш взгляд, и является у Гегеля формой существования "в ином", "для-себя" или "инобытия").
4. *Синтезируются* определения существования предмета "в себе" и в мире.
5. Развитые до относительно замкнутой системы определения превращаются в *предпосылку* и *начало* рассуждения о следующем предмете интенций Гегеля.

Но в случае такого предмета, как "метод", рассуждение отходит от указанной схемы. На наш взгляд, второй и третий пункты развиты не в полной мере, поскольку, обсуждая метод, Гегель постоянно обращается к концепту "всеобщее", но явно его не определяет. Кроме того, рассмотрение метода происходит в самом конце развития понятия, и идти дальше, в общем-то, некуда. Такое положение дел определяется тем, что итогом движения понятия в форме метода непосредственно является: а) "истина"⁹², б) "божественное понятие"⁹³ и в) "освобождение"⁹⁴. Это предельные конечные (в смысле: "завершающие") основания данного движения, поскольку они в "Логике" лишь прокламируются, но далее не обсуждаются.

В НЛ, в отличие от ФД, речь идёт о знании, *приближающемся* к абсолютному, и промежуточные результаты применения метода снимаются в дальнейшем движении, образуя часть содержания дальнейшего движения. Поэтому в НЛ субстанциальность уже не выполняет роль *принципа метода*, а лишь является одним из понятий, рассматриваемым в соответствующем месте (во второй книге, в сфере сущности).

Завершая по необходимости краткий разбор структурных особенностей метода Гегеля, укажем, что интересным нововведением явилась изначальная форма фиксации проблем определения *начала метода* и завершения его применения. В частности, для Гегеля та определенность начинающего (или началющего), которая фиксирует его "в себе", оказывается равной *результату*. Это можно рассматривать как некую форму реальности полагания (или как признание того, что действие переносит структуру).

Далее, проблема *всеобщего* [das Allgemeine]: начинающее (или началющее) есть всеобщее в том смысле, что началом является понятие как синтез интуиций, категориально всеобщих для любых, далее возможных (и необходимых), определений. Можно сказать, что в рамках всякого данного представления категориальные определенности как раз суть всеобщие определенности, что Гегель и выражает в превращённой форме.

⁹² НЛ-III. С. 303.

⁹³ НЛ-III. С. 309.

⁹⁴ НЛ-III. С. 310.

Наконец, заметим, что проблема *начала* (исследования) возникает у Гегеля, поскольку речь идет о необходимом движении познания к истине. Случайностей тут нет (а метод проб и ошибок он отвергает как неудовлетворительный и случайный, не дающий гарантии истины). Соответственно, определённое начало является необходимой частью логики метода.

Итак, структура гегелевского метода в нашем довольно кратком и схематичном рассмотрении обнаруживает следующие существенные пункты:

- Метод имеет определённое (непосредственное) *начало* и совпадающий с ним *результат*.
- Движение между началом и результатом осуществляется посредством прохождения категориальных позиций непосредственного и опосредованного, позитивного и негативного, которые логически определяются как *тезис* и *антитезис*.
- Позитивное *начало* оказывается метатеоретическим *принципом синтеза*.

Методы как в ФД, так и в НЛ обнаруживают почти одинаковые конечные результаты: целостную систему абсолютного всеобщего знания. Но характер этих результатов являет различные типы целого. Целое в методе ФД строится из частей, имеющих *различные статусы существования* в аспекте неподлинного всеобщего и образуют систему из объективированных структур опыта. А в НЛ это *тотальность*, которая снимает свои части в живом противопоставлении.

Однако методы ФД и НЛ имеют непохожие промежуточные *результаты*. Рассмотрение целого в методе ФД создаёт отчасти различный статус бытия для неистинных всеобщих. Заметим, что в разных работах Гегеля имеются различные виды всеобщего. В ФД это всеобщее субъекта, а в НЛ это всеобщее понятия. Мы полагаем, что именно они и образуют основания онтологического различия между промежуточными результатами ФД и промежуточными результатами НЛ.

К. Маркс

Основная проблема исследования наследия К. Маркса с заявленных нами позиций - в том, что свой диалектический метод он (в отличие от Канта и Гегеля) специально нигде не изложил: по факту, его метод включен в "тело" всех его политэкономических исследований. Поэтому выделение марксова метода в "чистом" виде - задача чрезвычайно сложная и до сих пор полностью не решенная.

В настоящей статье мы опираемся на существующие разработки диалектики прежде всего в части так называемых "законов диалектики" ("закон перехода количественных изменений в качественные", "закон отрицания отрицания" и "закон единства и борьбы противоположностей"). Но, с одной стороны, мы не будем специально проблематизировать их существование⁹⁵, а, с другой стороны, мы хотим сосредоточиться на менее развитых сторонах и аспектах диалектического метода. Наконец, в настоящей статье логическая подструктура метода находится вне нашего фокуса внимания. Для нас в этой связи достаточно сделать ряд исторических замечаний.

Следует отметить, что в советское время возникла целая плеяда философов и учёных, развивавших диалектические концепции в основном в связи с официальной интерпретацией марксова метода. Последняя строилась вокруг ленинской формулы "единство диалектики, логики и теории познания". При этом все исследователи в силу как идеологических, так и организационных ограничений демонстрировали (отчасти были к этому вынуждены) верность партийной интерпретации как "непосредственному тождеству теории и практики" (Д. Лукач). Тем не менее работы по структуре метода начались ещё в сталинские времена, но всё же основное развитие они получили после 1953 г.

Основное внимание советских философов и учёных было приковано к системе диалектических противоположностей, и были произведены десятки систем диалектики, отличавшихся друг от друга их порядком или интерпретацией. Обычно автор делал акцент либо на онтологических, либо на логических структурах диалектики в зависимости от того, какую часть официальной формулы был склонен разрабатывать тот или иной философ или методолог (гносеологические работы, как правило, не затрагивали собственно методологических проблем, а проблемы эпистемологии включались либо в логику, либо в диалектику).

Описание вклада всех этих мыслителей в постановку и развитие проблем диалектического метода требует отдельной работы. В отношении метода К. Маркса, несмотря на фиксацию и разработку сравнительно новых его (под)структур, эти работы, на наш взгляд, часто были ограничены излишне упрощёнными представлениями о диалектике.

В интересующем нас аспекте выделения определённости метода Маркса можно отметить как наиболее значительные, работы по следующим проблемам:

⁹⁵ Известно, что "законы" диалектики были выделены историками философии, а непосредственно в системе Гегеля эти диалектико-логические конструкты присутствуют не в виде законов.

- логической структуры системы категорий и метода (Л. А. Маньковский, А. А. Зиновьев и В.А. Вазюлин);
- метода "восхождения от абстрактного к конкретному" (Э. В. Ильенков, В. А. Вазюлин);
- принципа единства логического и исторического (Э. В. Ильенков и Б. А. Грушин);
- строения диалектического противоречия (Г. С. Батищев и И. С. Нарский);
- роли закона отрицания отрицания (З. М. Оруджев);
- проблемы начала (Л.К. Науменко, Б. А. Грушин и В. А. Вазюлин);
- принципов субстанции и монизма (А. А. Сорокин и Э. В. Ильенков);
- интерпретации различных методологических (обычно системных) представлений на тех или иных томах "Капитала" (В. П. Кузьмин, Б. Г. и Э. Г. Юдины, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, Н. А. Цаголов и др.).

В настоящей работе делается попытка изложить предварительные результаты исследования онтологической подструктуры диалектического метода К. Маркса в следующих аспектах:

1. Реинтерпретация ряда положений и выводов, представленных в наиболее развитых реконструкциях диалектического метода (в основном на базе работ В. А. Вазюлина), необходимых с точки зрения реконструкции именно методологических структур исследовательских практик К. Маркса.

2. Реконструкция ключевых отличий онтологических позиций К. Маркса и Г. В. Ф. Гегеля и общая схема диалектического метода исследования политэкономической реальности.

3. Фиксация ряда онтологических определенностей собственной позиции К. Маркса, которая, как показывает анализ использования диалектического метода, весьма отлична от бытующих представлений о марксизме среди экономистов, да и ученых других наук.

Предварительно зафиксируем, что при реконструкции метода К. Маркса следует различать две его существенно различные формы, а именно: а) собственно диалектический метод исследования политэкономической реальности и б) диалектический метод систематизированного изложения полученных результатов.

Авторы, вслед за рядом крупных исследователей марксова наследия,⁹⁶ считают, что рассмотрение диалектического метода К. Маркса в формах диалектического и исторического материализма как независимых друг от друга научных дисциплин есть

⁹⁶ См.: например, Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т. 1. М.: 1985.

характерный признак вульгаризации марксизма, разрушение единства его метода. Реконструкция уже развитого метода исследования должна проводиться посредством анализа Экономических рукописей К. Маркса 1857 - 1858 гг.⁹⁷, а также рукописей и работ 1859 - 1866 гг.⁹⁸, представляющих различные варианты рассмотрения системы буржуазного воспроизводства, включающего воспроизводство таких самостоятельных объективаций, как *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*⁹⁹. Большинство же исследователей выделяют структуры метода на основе изучения четвертого издания I тома "Капитала" (1890 г.), а также частично II и III томов¹⁰⁰, что, на наш взгляд, приводит в основном к реконструкции диалектической логики (метода) *изложения* уже полученных результатов исследования. Общеизвестным является также тот факт, что первоначально поставленные задачи исследования политической экономии самим К. Марксом существенным образом не завершены, им было выполнено (по оценке историков науки) не более 1/6 от задуманного. Можно достоверно говорить лишь о практически законченном I томе "Капитала", а также почти законченных (но все же существенно исправленных и доработанных Ф. Энгельсом) II (1893 г.) и III (1894 г.) томах. Большинство же планируемых К. Марксом концептуализаций категорий "земельная собственность", "наемный труд", "государство", "внешняя торговля", "мировой рынок" и сопутствующих им понятий так и не доведены до развитых определенностей, хотя фрагменты их систематизированного историко-критического и теоретико-методологического анализа приведены в Экономических рукописях 1861 - 1863 гг., озаглавленных "К критике политической экономии"¹⁰¹.

Отметим, что значительная часть этих рукописей (с января 1862 до июля 1863 гг.) была издана под названием "Теории прибавочной стоимости" К. Каутским в 1905 - 1910 гг. в трех томах, причем в искаженном виде¹⁰². Вариант, максимально близкий к

⁹⁷ Впервые опубликованы в 1939 г. Институтом марксизма-ленинизма на языке оригинала под редакционным заголовком "Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)" ("Основные черты критики политической экономии (Черновой набросок)").

⁹⁸ Возможно, что полная реконструкция собственного субъективного развития методологических взглядов и изменения позиции самого К. Маркса потребуют обращения к более ранним работам, начиная, например, с "Экономическо-философских рукописей 1844 г."

⁹⁹ См. *Маркс К.* "К критике политической экономии". - Предисловие // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 4.

¹⁰⁰ Русские переводы рукописей К. Маркса приводятся по: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Соч. 2-е изд. Русский текст в ряде случаев сверен с полнотекстовым изданием на немецком языке проекта MEGA (*Karl Marx Friedrich Engels Gesamtausgabe*). О проекте MEGA см. подробнее <http://www.bbaw.de/bbaw/Forschung/Forschungsprojekte/mega/de/Startseite>.

¹⁰¹ Рукопись 1861 - 1863 гг. состоит из 23 тетрадей (со сквозной нумерацией страниц от 1 до 1472) общим объемом около 200 печатных листов и является первой более или менее систематической — хотя еще только черновой и незаконченной — разработкой всех томов "Капитала". См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Тт. 47 и 48.

¹⁰² К. Каутский в предисловии объявил, что "Теории прибавочной стоимости" являются не историко-критическим томом "Капитала", а произведением, ему "параллельным", притом таким произведением, в котором якобы отсутствует всякий внутренний план и порядок. Он полностью игнорировал те оглавления

оригиналу, был издан в 1956-1962 гг. в Германской Демократической республике. Столь поздние публикации историко-критических исследований автора "Капитала" дали основания критикам (в частности, со стороны немецкой "исторической школы" в политэкономии) упрекать К. Маркса в излишнем "логицизме", "абстрактности изложения", "неисторизме" и т. д. К сожалению, в советской и зарубежной историографии прочно утвердилась точка зрения о том, что "Теории прибавочной стоимости" являются IV томом "Капитала"¹⁰³. Правильным, на наш взгляд, стало бы противоположное утверждение: "Теории прибавочной стоимости" являются "нулевым" томом "Капитала", предваряющим его изложение¹⁰⁴. Этот тезис является принципиальным моментом для фиксации собственно *диалектического метода исследования* политико-экономической реальности К. Маркса, который, по сути дела, начал писать свой экономический труд с историко-критического анализа. Дело в том, что к началу 1860-х гг. у Маркса в неразвитой форме, но уже были выработаны многие положения его политико-экономической теории. Однако в систематически обработанной форме к этому времени были закончены и опубликованы только две первые вводные главы: глава о товаре и глава о деньгах, составившие содержание первого выпуска "К критике политической экономии" (1859 г.). То, что сам Маркс называл "основной главой" всего труда, т. е. исследование о капитале, всё еще пребывало в совершенно нерасчлененном и неупорядоченном виде

марксова труда, которые Маркс писал на обложках своих тетрадей и которые позволяют лучше понять не только внешнюю, но и внутреннюю последовательность отдельных глав и разделов. В результате Каутский произвольно изменил структуру труда Маркса, сделал в нем неоправданные перестановки частей текста, перекроил по-своему первый и, особенно, второй том своего издания. Так, например, в самом начале своего издания он поместил четыре небольших отрывка, взятых из последних тетрадей рукописи 1861—1863 гг., перемешал связанное изложение, даваемое Марксом в тетрадах VI—XVIII, с дополнительными набросками из тетрадей XX—XXIII, изъясил из основного текста теоретические исследования Маркса, непосредственно связанные с критическим разбором воззрений Смита и Кенэ, и поместил их отдельно в виде особых приложений, оторвав их от историко-критического исследования Маркса. Второй том своего издания был произвольно разбит Каутским на две отдельные книги, причем глава "Рикардовская теория прибыли", которая в рукописи Маркса содержит последовательную критику взглядов Рикардо на среднюю норму прибыли и на причины ее понижения (тетрадь XIII), у Каутского была разорвана на две половины, помещенные в разных полутомах и отделенные друг от друга 350 страницами текста и т. д.

¹⁰³ Это положение базируется на высказываниях Ф. Энгельса в своих письмах (например, к Л. Лафаргу от 22 мая 1883 г., К. Каутскому от 24 марта 1884 г., Э. Бернштейну, написанном в августе 1884 г.), а также в предисловии Энгельса ко II тому "Капитала" (оно помечено 5 мая 1885 г.). "... Я оставляю за собой право опубликовать критическую часть этой рукописи ("Теории прибавочной стоимости" – А. Ч. и И. Ф.) в виде книги IV "Капитала", причем из нее будут устранены многочисленные места, уже исчерпанные в книгах II и III...". См.: *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 4.*

¹⁰⁴ Это напрямую подтверждается словами самого К. Маркса. Так, в письме к З. Шотту от 3 ноября 1877 г. он сообщает здесь о своей работе над "Капиталом": "... для себя я начал "Капитал" как раз в *обратном порядке* по сравнению с тем, как он *предстанет* перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части), только с той оговоркой, что первый том, к которому я приступил в *последнюю очередь*, сразу был подготовлен к печати, в то время как оба другие тома остались в необработанной форме, свойственной каждому исследованию в его первоначальном виде" (курсив и подчеркивание наше – А. Ч. и И. Ф.). Историческая часть здесь названа третьей лишь потому, что Маркс уже почти подготовил к печати вторую и третью книги "Капитала" и предполагал их выпустить в одном томе — в качестве второго тома, а четвертую книгу, рассматривающую "историю теории", — в качестве третьего тома.

сугубо черновой рукописи 1857 - 1858 гг.¹⁰⁵. Но для того чтобы завершить разработку своей экономической теории и придать надлежащую научную форму накопленному материалу, К. Марксу потребовалось провести почти заново¹⁰⁶ критическое исследование всей существовавшей до того времени политической экономии (от середины XVII до середины XIX в.)¹⁰⁷.

Приведем теперь обширную цитату самого К. Маркса, где он в сжатом виде характеризует собственный *научный метод*: "Когда мы с точки зрения политической экономии рассматриваем какую-нибудь данную страну, то мы *начинаем* с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годового производства и потребления, товарных цен и т. д. Кажется правильным начинать с *реального и конкретного, с действительных предпосылок*, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это *абстракция*, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех *основ*, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают *обмен, разделение труда, цены* и т. д. ... Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы *хаотическое представление о целом*, и только путем более детальных определений я *аналитически* подходил бы ко все более и более простым понятиям: от *конкретного, данного в представлении*, ко все более и более тощим *абстракциям*, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в *обратный путь*, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений"¹⁰⁸ (курсив и подчеркивание наши – А. Ч. и И. Ф.).

¹⁰⁵ "Материал был налицо; оставалось его оформить", — писал К. Маркс Лассалю 12 ноября 1858 г.

¹⁰⁶ Первые попытки критически проанализировать политическую политэкономия К. Марксом относятся еще к 1843 г.

¹⁰⁷ Справедливым будет отметить, что самим К. Марксом историко-критические исследования были первоначально задуманы как исторический экскурс к разделу его теоретического исследования о "капитале вообще", который был посвящен проблеме процесса производства капитала. Этот исторический экскурс должен был завершить раздел о процессе производства капитала, подобно тому, как в первом выпуске "К критике политической экономии" глава о товаре завершалась историческим экскурсом "К истории анализа товара", а глава о деньгах — историческим экскурсом "Теории средств обращения и денег". Однако объективное "сопротивление" огромного материала заставило К. Маркса изменить первоначальные замыслы.

¹⁰⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857 - 1858 гг. Метод политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 726.

В одной из наиболее развитых реконструкций диалектического метода – работах В. Вазюлина — метод К. Маркса выглядит следующим образом:

1. "Познание *органического целого* первоначально идет от *хаотического представления о целом*, т. е. от конкретного, как оно дано в представлении, в живом созерцании, ко все более и более простым определениям, пока, наконец, не определится простейшая сторона ... целого. ... Анализ совершается в единстве с синтезом. Наличие общественной потребности в познании данного предмета, *догадка* о том, что он такое есть, и направляют познание, и заставляют искать связи анализируемых сторон".¹⁰⁹ Конечным пунктом этого движения познания является "...выделение *простейшей стороны*, простейшего отношения *органического целого*"¹¹⁰. Простейшая сторона – это "... *предел расчленения органического целого*. Дальнейшее расчленение уже выводит за пределы данного предмета. Например, простейшее отношение капиталистической экономики — *товар*. Товар имеет потребительную стоимость и стоимость. Стоимость нельзя понять, не поняв, что такое потребительная стоимость. Но *потребительную стоимость нельзя взять в качестве простейшего* при рассмотрении экономики капитализма, ибо потребительная стоимость существует не только при капитализме и даже не только при наличии товара. Если взять в качестве простейшего потребительную стоимость, то будет утеряна специфика капитализма. *Отражение простейшей стороны в мышлении*, говоря другими словами, есть *самое абстрактное понятие*... рассмотренный путь познания есть путь ... от *чувственного конкретного к абстрактному*"¹¹¹ (курсив наш - А. Ч. и И. Ф.). Это путь от познания внешней стороны явления к его сущности.

2. На следующей стадии "... познание идет главным образом от простейшей стороны *органического целого* ко все более сложным его сторонам. Это движение познания называется *восхождением от абстрактного к конкретному*... главным содержанием исследования становится *раскрытие сущности органического целого*... В восхождении от абстрактного к конкретному *преобладает синтез*... именно на этой стадии первостепенной задачей становится раскрытие внутренних связей, внутреннего единства сторон органического целого, иначе говоря, *совокупности законов и закономерностей, сущности органического целого*..."¹¹² (курсив наш - А. Ч. и И. Ф.).

Причем восхождение от абстрактного к конкретному *предполагает* соблюдение, как минимум, трех условий: 1) объект исследования ("реально конкретное" по В. Вазюлину) должен окончательно сформироваться, достигнуть стадии зрелости; 2)

¹⁰⁹ Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. - М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 15.

¹¹⁰ Вазюлин В. А. Логика истории... С. 15.

¹¹¹ Вазюлин В. А. Логика истории... С. 15 - 16.

¹¹² Вазюлин В. А. Логика истории... С. 16 - 17.

научные методы исследований должны пройти путь развития от фиксации чувственного конкретного до высокоразвитых теоретических и методологических средств анализа, позволяющих выделить предельные абстрактные отношения; 3) развитие сферы воспитания и обучения должно дойти до стадии массового "производства" развитых научных субъектов.

Развертывание метода восхождения от абстрактного к конкретному раскрывается во взаимоотношении категорий "поверхность" (или непосредственность), "сущность", "явление", "действительность"¹¹³. Здесь анализ развертывания субординированных категорий "Капитала" К. Маркса обнаруживает структуру спиралевидного развития исследуемого предмета. Сама идея спиралевидного развития в неявном виде имела место еще у Гегеля как выражение повторения отрицания в развитии. Но в явном виде она была разработана советскими марксистами только в 60-70-е гг. XX в. Заметим, что речь тут идет о спиралевидности движения познания, а не самого предмета познания¹¹⁴. Правда, сам В. Вазюлин пытается снять момент недialeктичности, полагая, что марксизм сам есть познание "развивающихся предметов",¹¹⁵ но эта проблема у него не достаточно проблематизирована и эксплицирована.

¹¹³ Приведем обширную цитату из В. Вазюлина: "...Отображение начинается с отображения той стороны, которая схватывается непосредственно, т. е. выступает на поверхности. Так, К. Маркс в "Капитале" начинает рассмотрение товара с потребительной стоимости, т. е. с того, как товар прежде всего бросается в глаза. Эта сторона характеризуется главным образом сама по себе, независимо от другой стороны, взаимодействующей с ней. Затем обнаруживается внешняя связь первой, поверхностной, внешней стороны с другой стороной. Например, в "Капитале" К. Маркс показывает, что потребительная стоимость при определенных условиях является носителем стоимости.... От установления внешней связи первой стороны со второй мысль движется к характеристике второй, внутренней, стороны самой по себе...Вторая, внутренняя сторона взаимодействия и оказывается собственно сущностью взаимодействия, или сущностью в узком смысле... Только на этом уровне начинает познаваться собственно самодвижение.... После того как определена сущность сама по себе, мышление отправляется в обратный путь: от сущности к поверхности. Но теперь поверхность предстает иначе, другими сторонами, гранями, нежели до определения сущности. В поверхности оказываются теперь интересными лишь те ее грани, через которые "светится", проявляется сущность. Это *явление* сущности предмета... Наконец, фиксируется специально единство явления и сущности, а также и формы этого единства. Единство явления и сущности, формы единства явления и сущности есть действительность. *Вазюлин В. А. Логика истории...* С. 20 - 22.

¹¹⁴ "... В "Капитале" исследуется бытие капитала, **сущность** капитала, самого по себе - процесс производства капитала, **явление** капитала — процесс капиталистического обращения, **действительность** капитала — единство процессов капиталистического производства и обращения. Все это движение мысли образует большой виток спирали. В логике Гегеля имеется лишь один виток спирали типа: непосредственное — сущность сама по себе — явление — действительность. В логике "Капитала" наблюдаются два витка спирали. Один из них — большой виток. В свою очередь начальный отрезок большого витка спирали сам представляет собой виток спирали того же типа. Малый виток спирали образует первый отдел "Капитала": потребительная стоимость и меновая стоимость — **бытие** товара, стоимость независимо от форм ее проявления - **сущность** товара, взятая сама по себе, формы проявления стоимости — **явление** товара, процесс обмена и обращение товаров — **действительность** товара ..."
Вазюлин В. А. Логика "Капитала" Карла Маркса. — М.: Современный гуманитарный университет, 2002. С. 40.

¹¹⁵ *Вазюлин В. А. Логика "Капитала"...* С. 40.

На наш взгляд позиция В. Вазюлина представляет собой существенный шаг по сравнению с позицией Э. Ильенкова¹¹⁶, который в своих исследованиях в ряде моментов абсолютизировал движение мысли К. Маркса от абстрактного к конкретному, но не учитывал самостоятельность операций синтеза, которые должны рассматриваться в единстве с анализом.

Переход к собственно диалектическому методу исследования политэкономической реальности только намечается В. Вазюлиным в его рассуждениях о том, что исходным пунктом метода восхождения от абстрактного к конкретному является результат "... предшествующей стадии познания – от хаотического представления о целом, от чувственно конкретного к абстрактному"¹¹⁷. Сам же В. Вазюлин вполне сознательно ограничивается только некоторыми методическими замечаниями по этому поводу, т. к. предметом изучения его работы является только "Капитал"¹¹⁸.

Однако такая позиция являет черты чрезмерного логицизма в отношении к научным результатам. Заметим, что "чувственно конкретное" никогда не бывает хаотическим, любой человек всегда непосредственно "присутствует" в мире не иначе как в системе взаимодействия, в т. ч. преобразуя предметы мира в ходе своих практик (следовательно, воспроизводя типичные формы деятельности). Поэтому представление о мире всегда обладает некоторой самостоятельностью и включенностью в систему повседневных практик. Вкратце такое положение дел можно объяснить тем, что воспроизводство как эмпирических, так и теоретических научных данных постоянно и необходимо включает воспроизводство чувственных компонентов.

¹¹⁶ Э. Ильенков характеризовал "абстрактное" и "конкретное" не просто как категории, принадлежащие только нашему мышлению, но и как вполне объективные определения реальной, вне и независимо от мышления существующей действительности. "Абстрактное" есть простое, неразвитое, одностороннее, фрагментарное. В противоположность ему "конкретное" есть "единство многообразного" – реальная связь явлений, сцепление и взаимодействие всех сторон, моментов предмета, внутренне расчлененная совокупность различных форм его существования, неповторимое сочетание которых характерно только для данного предмета. Диалектическая логика рассматривает закономерности восхождения от абстрактного, то есть неполного и одностороннего знания, к конкретному постижению предмета во всей его сложности. Здесь возникает проблемный вопрос, а как изначально возникают первичные абстрактные отношения. См. *Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М.: Институт философии АН СССР, 1960. А также: Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.*

¹¹⁷ "...Начало восхождения само, таким образом, в известной мере есть **результат** предшествующей стадии познания – от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. В качестве этого результата начало восхождения представляет собой отражение в мышлении такого отношения предмета, при мысленном разложении которого (отношения) происходит выход за пределы рассмотрения данного специфического предмета." *Вазюлин В. А. Логика "Капитала"...* С. 53.

¹¹⁸ "... Наша задача заключается в том, чтобы строго следовать за разворачиванием логического богатства "Капитала", не забегать вперед, не определять уже известные отношения, категории предмета через еще неизвестные более развитые отношения, категории. Наша задача состоит также в том, чтобы не определять отношения, категории "Капитала" через знания, сформировавшиеся у К. Маркса до написания "Капитала". Ибо мы ставим своей целью выделение и разворачивание логики именно и только "Капитала", а для этого необходимо ее рассмотреть в той последовательности и связи, в какой она предстает перед сознанием читателя, знакомого лишь с "Капиталом"...". *Вазюлин В. А. Логика "Капитала"...* С.56. (подчеркивание наше - А. Ч. и И. Ф.)

Мы полагаем, что более адекватная и полная реконструкция диалектического метода исследования у К. Маркса потребует существенной корректировки ряда исходных положений, присутствующих у большинства советских диалектиков:

1. Так В. Вазюлин считает, что диалектический метод необходимо реконструировать в виде "системы законов и категорий" и, более того, неявно принимает, что диалектическая логика является его адекватным выражением. Надо сказать, что для советских диалектических логиков в целом была характерна та точка зрения, что диалектика есть объективная логика, или логика действительности. Почти никто из них (наиболее развитая позиция в этом аспекте присутствует, пожалуй, у В. Библера¹¹⁹) не проводил явную сознательную линию на выявление субъективной логики, что вполне объясняется господствовавшей в СССР идеологической установкой на верность В. Ленину (понятому определенным образом).

2. На наш взгляд слишком сильной модернизацией позиции К. Маркса является обобщающий вывод о том, что "... предметом научного исследования в "Капитале" является капиталистическая общественно-экономическая формация как "органическое целое"...".¹²⁰ Во-первых, в своих основных работах К. Маркс практически не использует понятие "капитализм" ни напрямую, ни контекстуально¹²¹. Он пользуется категорией "буржуазное воспроизводство" [bürgerlicher Reproduktion], причем "буржуазное" (от фр. bourgeois) у Маркса часто непосредственно означает просто "городское". Ключевыми аспектами данной категории являются, то, что: 1) "буржуазное воспроизводство" не исчерпывает всех общественных отношений и результатов взаимодействий общественных субъектов, а образует лишь определенную *сферу деятельности*; 2) эта сфера деятельности является развивающейся объективацией, "становящейся" [werden sein] целостностью [Totalität], но так ее и не достигающей (sic!).

Во-вторых, вышеупомянутый второй аспект категории "буржуазное воспроизводство" очень важен в связи с тем, что понятие "общественный организм"¹²², ("органическое целое") присутствует в текстах Маркса, однако его смысловой объем не

¹¹⁹ Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. М.: Политиздат, 1991.

¹²⁰ Вазюлин В. А. Логика истории... С. 11.

¹²¹ Термин "капитализм" впервые употребил, по-видимому, французский утопист и историк Луи Блан (1811–1882 гг.) в 1850 г., а как научное понятие его ввел немецкий социал-демократ В. Зомбарт (1863–1941 гг.) в работе "Современный капитализм" (1902 г.). Широкое распространение в обществоведении понятие "капитализм" приобретает в результате публичной полемики М. Вебера и В. Зомбарта. В "Британской энциклопедии" статья, посвященная капитализму, впервые появляется в 1926 г., в "Словаре Французской академии" – в 1932 г. В некоторых франкоязычных текстах К. Маркса встречается термин "капиталистическая система" (système capitaliste).

¹²² На русский язык словом "организм" часто переводят термин Маркса Körper (или Коергер) (дословно "тело"). Однако нем. Körper происходит от лат. Corpus, которым, начиная со Средних веков, обозначают общественные организации (общины), обладающие транслокальным статусом (например, церковь – "тело Христово" и т. д.). Поэтому gesellschaftlicher Körper лучше переводить как "общественный институт", или более точно "общественная объективация".

соответствует понятию "органическое целое" в современных теориях систем, где его можно понять как развивающуюся "открытую систему". Принципиальным здесь является то, что в развивающемся "органическом целом" отдельные его элементы ("органы") не являются самостоятельными (как, например, сердце не может существовать вне организма), а у К. Маркса моменты становящихся "целостностей" в ходе исторического развития приобретают собственную самостоятельность (собственное бытие или субстанциональность), иначе невозможно было бы их взаимодействие с предшествующими и последующими объективациями¹²³. Следовательно, основным предметом исследования для К. Маркса оказываются "становящиеся целостности". Маркс по сути вводит категориальную определенность "становящихся целостностей" для того, чтобы объяснить появление в ходе исторических изменений ("исторического движения" в устоявшейся марксистской терминологии) новых объективаций, которые меняют ход исторического развития. Вазюлинский концепт "развивающегося "органического целого"" не позволяет реально объяснить появление качественно новых общественных образований, которые не являются продолжением порождающих их объективаций¹²⁴. В этом плане сам К. Маркс предпочитает говорить об "отношениях" [Verhältnisse или Relations], а не о "связях" [Verbindungen или Beziehungen]¹²⁵.

В-третьих, понятие "общественно-экономическая формация" у К. Маркса реально отсутствует. Известно, что термин "ökonomische Gesellschaftsformation" был в свое время

¹²³ К. Маркс для обозначения категории "объективация" использует термины Objektivation, Entfremdung и Entäußerung. Например, "objectivierte Arbeit" – "объективированный труд". К сожалению, термин "objectivierte" в русских переводах часто заменяют на "овеществленный", что не точно, хотя бы потому, что в русском языке такой перевод ассоциируется с "веществом", а не "вещью". Термины "Entfremdung" и "Entäußerung" в русских переводах, как правило, считаются синонимическими понятиями, поэтому переводятся одним словом "отчуждение". В отдельных случаях, однако, термин "Entäußerung" (лучше переводить как "овнешнение") употребляется Марксом (по крайней мере, в "Экономических рукописях 1857-58 гг.") и в другом смысле, в частности для обозначения перехода из одного состояния и другое, приобретения и пр., т.е. таких экономических и социальных явлений, которые не означают отношений враждебности и чуждости. Наряду с термином "Entfremdung" у Маркса фигурирует также "Selbstentfremdung" (буквально "самоотчуждение"). Этим термином он обозначал деятельность рабочего, его труд на капиталистической основе как повернутую *против самого рабочего*, от него не зависящую и не принадлежащую ему форму деятельности.

¹²⁴ По аналогии можно сказать, что ребенок не является "развитием" таких "органических целых", как его мать или отец.

¹²⁵ Различение "связь" и "отношение" здесь тоже существенно. С феноменологической точки зрения и "отношения", и "связи" являются *единствами различного*. Если нам дано некое единство, и в этом единстве есть различные элементы или части, то между ними имеются либо отношения, либо связи. Отсюда вытекает уже некое методологическое направление, ведущее как к структурному, так и к системному подходу. Содержательно связь – это всегда нечто более тесное. Отношения (в логике) могут устанавливаться любые и между чем угодно. Но когда мы говорим о связях, то подразумевается неявно онтологическое единство. Иначе говоря, если при установлении единства различного *первичным* является *единство*, обусловленное самим предметом, т.е. онтологически, то следует говорить о связи. Если же при установлении единства различного *первично* онтологическое *различие*, то следует говорить об отношении. В таком понимании можно различить понятия "система" и "структура", причем структура будет родовым понятием по отношению к системе. Система – это структура, внутри которой возникает и устойчиво воспроизводится связь, создающая единство целого этой системы.

некорректно переведен В. И. Лениным при изучении "Предисловия" к "Критике политической экономии" (1859 г.) как "общественно-экономическая формация"¹²⁶. Согласно историческому фольклору позднее В. И. Ленин признал, что перевод из К. Маркса, в котором им и был введен термин "общественно-экономическая формация", был сделан некорректно. Но сам В. Ленин тем не менее от него публично не отказался. Искусственно появившаяся категория постепенно укрепилась в течение теоретической дискуссии 1920-30-х гг., в ходе которой произошла ее концептуализация¹²⁷. В современных переводах термин "Gesellschaftsformation" переводят как "общественная формация". Заметим, что из приведенного в сноске отрывка "Предисловия..." даже в русском переводе видно, что "азиатский", "античный", "феодальный" и "буржуазный" способы производства есть фазы (этапы) *одной* экономической формации. Более детальное изучение упоминаний Марксом термина "Gesellschaftsformation"¹²⁸ показывает, что: а) термин "Formation" заимствован из геологической терминологии; б) существуют первичные и вторичные формации; в) "Gesellschaftsformation" употребляется и во множественном числе, т. е. "формаций" много, а не только "экономическая"; г) различные "формации" могут существовать одновременно в определенную историческую эпоху; д) в определенной исторической эпохе могут сосуществовать "формации" различной степени развития. Мы полагаем, что К. Маркс употреблял термин "Formation" для обозначения определенного класса сложных общественных объективаций (становящихся сфер

¹²⁶ Приведем эту цитату К. Маркса из работы "К критике политической экономии. - Предисловие" (1859 г.): "... Ни одна общественная формация [Gesellschaftsformation] не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, ... когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В *общих чертах*, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, *способы производства* можно обозначить, как *прогрессивные эпохи экономической общественной формации*" (курсив и подчеркивание наше – А. Ч. и И. Ф.). *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 4. Ключевая часть цитаты в оригинальном тексте: "...In großen Umrissen können asiatische, antike, feudale und modern bürgerliche Produktionsweisen als progressive Epochen der ökonomischen Gesellschaftsformation bezeichnet werden". Перевод В. И. Ленина в работе "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов" (1894 г.) следующий: "... рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, *производственные порядки* можно обозначить, как прогрессивные эпохи *в истории экономических формаций общества*" (подчеркивание наше – А. Ч. и И. Ф.). *В. И. Ленин.* ПСС. Т. 1. С. 136. Из цитаты видно, что Ленин почти правильно перевел термин, но использовал множественное число. На наш взгляд, он сделал это неслучайно. В других местах В. Ленин уже вполне устойчиво пользуется собственным изобретенным термином "общественно-экономическая формация" (ОЭФ), отождествляя (возможно, под влиянием популярных тогда концептов социолога Г. Спенсера) ОЭФ с "... особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и ... превращения в другой социальный организм". *В. И. Ленин.* ПСС. Т. 1. С. 429.

¹²⁷ Завершение указанной дискуссии может быть отнесено к середине 1930-х гг., когда в результате усилий М. Н. Покровского и его учеников была провозглашена "знаменитая" пятичленная концепция деления исторического процесса на "общественно-экономические формации", закрепленная вскоре в трудах И. В. Сталина. См., например, "Краткий курс ВКП(б)" (1938 г.) или "О диалектическом и историческом материализме". *Сталин И. В.* Соч. Т. 14.

¹²⁸ См.: в частности, знаменитые наброски письма К. Маркса к В. Засулич от 8 марта 1881 г. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 401 - 420.

деятельности). Резюмируем вышесказанное: "ökonomische Gesellschaftsformation" корректнее переводить как "экономическая формация общества". Соответственно, могут существовать "политическая формация общества", "финансовая формация общества" и пр., которые могут быть первичными (архаичными), вторичными и т. д.

3. Типичным, устоявшимся утверждением для большинства советских диалектиков, да и множества ученых экономистов, является тезис о том, что "противоречия – источник развития общества". Причем понятие "противоречие" почему-то понимается в логическом смысле. Здесь опять существует некоторая терминологическая и логическая путаница. Дело в том, что термин "Widerstreit", который почти всегда в русском переводе обозначается термином "противоречие"¹²⁹, все же более корректно переводить как "противоборство". Из контекста его употребления следует, что возможен и более нейтральный перевод – "прямое и обратное действие" (т. е. "действие и реакция"). Иначе говоря, можно утверждать, что, если понимать термины Маркса не как логические конструкты, а как онтологические, то тогда правомерно понимать категорию "противоречие" как коррелят *реального взаимодействия*, происходящего в действительности. Тогда понятно, что, например, знаменитая формула диалектики "единство противоположностей" (Einheit der Gegensätze) обозначает действительную связь (взаимодействие) между множеством объектов в мире (в экономике все объективации, конечно, опосредованы формами деятельности людей), занимающих "противоположные места" "внутри" определенного цикла воспроизводства какой-либо объективации¹³⁰. Следовательно, не "противоречия" (в логическом смысле) являются "источником развития", а *реальные взаимодействия людей* в ходе исторически predetermined форм этих взаимодействий. Собственно исходным источником общественного развития у К. Маркса является *труд*, который обязательно включает действия субъектов по трансформации природных объектов в предметы потребления.

После такого уточнения мы теперь сможем указать на ключевые отличия онтологической позиции К. Маркса от Гегеля.

1 Диалектические техники необходимой связи "полагания" и "предполагания", "непосредственного" и "опосредованного" являются у Маркса, в отличие от Гегеля, *универсальными*, т.е. применяются ко всем объектам мира, состояниям и ко всему миру, причем каждый конкретный мир у автора "Капитала" принципиально *локален*. Гегель неявно вводит онтологическую связь "объект-в-Мире", но стремится перейти только к истинному Бытию, т.е. истинной целостной системе знания (теоретической реальности)

¹²⁹ Тем более, что у Маркса и Гегеля логическое "противоречие" обозначается термином "Widerspruch".

¹³⁰ Такими противоположностями могут быть "товар" – деньги", "производство – потребление" и т. д.

причем с претензией на ее абсолютность, единственность и неизменность. Универсальность диалектики Гегеля принципиально ограничена тем, что категориальная парная схема "внутреннее" и "внешнее" не может быть применена к миру в целом (т. к. он абсолютен). Другими словами, Гегель неявно пытается рассмотреть Мир в качестве беспредпосылочной конструкции, в рамках которой движение мысли может привести к Миру, у которого нет "внешнего". К. Маркс принципиально отрицает возможность беспредпосылочного движения (в т. ч. и мысли). Следовательно, у него конструкция "мира" принципиально не замкнута как целое и не полностью самостоятельна. Он обязательно предполагает взаимодействия "мира", которые находятся в определенных взаимоотношениях к некоторому "внешнему", "взаимообуславливают", "взаимоопосредуют" и "взаимопредполагают" его (в т.ч. и в историческом времени). Познающий субъект устанавливает всегда только локальную исторически определенную систему отчета. Результаты прошлых взаимодействий объектов (объективаций) сохраняются как "следы" в настоящих взаимодействиях, а результаты взаимодействий с необходимостью проявятся в будущих взаимодействиях. Отметим также, что когда Маркс говорит об определении [Bestimmung] чего-либо, то он во многих случаях говорит именно об установлении онтологической связи "объект-в-мире", а не о логическом определении. Это обусловлено тем, что у Маркса исследование предполагает реально существующий *материальный предмет*, действительное существование которого создается именно и *только* материальными актами, а не идеальным определением чего-либо.

2. У Гегеля первична категория "всеобщее" [das Allgemeine], которая тотальна, т.е. замкнута. К. Маркс вслед за Л. Фейербахом рассматривает процесс *возникновения* "всеобщего" ("общего" [Gemein]). Причем у Гегеля общее (всеобщее) одно, а у К. Маркса – множество "общих", которые возникают в "мире", но полностью не покрывают все многообразие миров. Иначе говоря, у Маркса "Gemein" не замкнуто принципиально (т. е. не тотально, как в гегелевской диалектике), а его основы *всегда* лежат в реальном взаимодействии. Эти основы, с одной стороны являются структурными основами объективации, а с другой, задают (обуславливают) условия для познания.

3. Маркс, как и Гегель, использует диалектическую триаду: "всеобщее", "особенное" и "единичное". "Особенное" – промежуточный член триады, опосредует общее и единичное. Но у Гегеля опосредующие звенья являются ступенями восхождения к истинному бытию и не обладают собственным бытием, а являются лишь моментами Абсолютного духа, тогда как у Маркса эти опосредующие ступени *самостоятельны*, т.е. обладают собственной активностью, что дает им возможность воспроизводиться в ходе исторических изменений. На стадии, когда уже возникшая объективация начинает

существенно *отклоняться* от условий и предпосылок своего возникновения (из старого "всеобщего"), наступает этап ее *развития* [Entwicklung]¹³¹.

4. К. Маркс выдвигает требование *действительности предпосылок и условий*, т. е. использует их в своем методе не как логические объекты, а как онтологические. На наш взгляд, это означает требование установления некоторой локальной связи (отношения), существующей и актуально воспроизводящейся "здесь и сейчас". Действительные предпосылки – это предпосылки возникновения объективации. Взаимодействие каких-либо объектов происходит всегда в каком-то "месте", которое всегда создано *предшествующими* актами (действиями) объектов, уже существовавших в прошлом.

5. К. Маркс явно различает разный онтологический статус предпосылок и условий. *Предпосылки* – это объекты, которые участвовали в порождении новых объектов, но уже не взаимодействующие актуально с новой объективацией "здесь и сейчас". *Условия* – это объекты, актуально взаимодействующие с новой выделенной объективацией "здесь и сейчас".

6. У Гегеля *взаимодействие* – билинейно (т. е. рассматривается ситуация "прямого действия" и "реакции"). У К. Маркса взаимодействие не ограничивается двумя актами – оно развивается и усложняется, будучи ограниченным только локальностью мира.

7. В отличие от Гегеля Маркс не стремится получить всеобщие законы развития общества, которые будут действовать от начала истории на всем ее протяжении и предопределять ее результаты, а, наоборот, предполагает своеобразные законы каждой специфической ступени различных объективаций.

Подытоживая сказанное, опишем в краткой форме **схему** диалектического метода исследования К. Маркса.

1. Исходным пунктом [Ausgangspunkt] исследования у Маркса является не "хаотическое представление о целом", а налично данный *набор первичных данных* о политэкономической реальности, фиксируемых с помощью уже сформированного у познающего субъекта (исследователя, учащегося и т.д.) *повседневного*¹³² знания (т.к. субъект уже взрослый человек) и наличного уровня уже *частично упорядоченного специализированного знания* о предмете науки на данном историческом этапе развития,

¹³¹ "... Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немислимо никакое производство; хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет *их развитие*" (подчеркивание и курсив наш – А. Ч. и И. Ф.). *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 711.

¹³² Категорию "повседневность" [Alltäglichkeit] мы здесь используем в смысле Д. Лукача. Сам Маркс говорит о "... первом поверхностном представлении..." [в оригинале – auf Hand liegende – дословно "прямо под рукой лежащие" – А. Ч. и И. Ф.]. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 714.

опосредованного наличными *практиками* действующего общественного субъекта¹³³, т. е. его многократно воспроизводящимися видами взаимодействий с реальными объектами мира (все это и есть "реально конкретное"). Типичной проблемой познания является способ перехода из набора первичных данных в *начало* метода. Разные методы по-разному переводят один и тот же набор первичных данных в начало методологического движения и, следовательно, получают *разные начала*. Доминирующим для Маркса на этом этапе становится историко-критическое направление применения метода, в котором выявляются слабые и непроверенные связи в текстах предшествующих политэкономов. Совсем не случайно "Экономические рукописи 1857-1858 гг." или "Теории прибавочной стоимости" начинаются с критического анализа трудов конкретных политэкономов.¹³⁴

В рамках критического анализа Маркс широко применяет диалектические техники "непосредственного" и "опосредованного", "полагания" и "предполагания", которые у него являются *методологическими регулятивами*. Они создают конкретную структуру общих научных операций анализа и синтеза. Определив "слабые" (т. е. не действительные)¹³⁵ связи, он начинает по *отдельности* исследовать каждый тип взаимодействия. На этой фазе историко-критического исследования К. Маркс стремится выявить все более простые общественные отношения ("реальные абстракции"), но не в чисто логическом смысле, а в историко-методологическом. С каждым шагом исследования он "опускается вниз", против хода исторического развития, пытаясь "нащупать" начало возникновения той объективации, чью историю он исследует. Границей исследуемого предмета являются исторический момент, предпосылки и условия действительного *возникновения* новой объективации. Маркс пытается найти общие предпосылки, чтобы определить, как предшествующие действия создали некоторую реальную и исторически зафиксированную ситуацию. Выявление в истории

¹³³ Необходимо помнить, что у Маркса общественный субъект во многих случаях не совпадает с индивидом (человеком). Индивид в ходе исторического развития *становится субъектом*, который изначально является общиной (родом). "... Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени *индивидуум*, а, следовательно, и производящий индивидуум, выступает *несамостоятельным*, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с *семьей* и с семьей, развившейся в *род*; позднее — с *общиной* в различных ее формах, возникшей из столкновения и слияния родов. Лишь в XVIII в., в "гражданском обществе", различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности [в оригинале – Einzelren – "единичное", а не Persönlichkeit (личность) - А. Ч. и И. Ф.] просто как средство для ее частных целей, как *внешняя необходимость*..." (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.). Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.12. С. 710.

¹³⁴ "Экономические рукописи 1857 - 1858 гг." начинаются с разбора "Бастия и Кэри", а "Теории прибавочной стоимости" с критики теории Дж. Стюарта.

¹³⁵ Отметим, что в формировании у К. Маркса представлений о политико-экономической действительности большую роль играла его работа корреспондентом и редактором ряда газет и журналов в 1842 – 1862 гг. ("Рейнская газета" (Rheinische Zeitung); "Форвертс!" (Vorwärts!); "Новая Рейнская газета" (Neue Rheinische Zeitung); журнал "Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение" (Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Ökonomische Revue); "Нью-Йорк дейли трибюн" (New York Daily Tribune) и некоторых других).

действительных предпосылок возникновения (начало самостоятельности) исследуемой объективации становится *поворотным пунктом исследования*.

Таким образом, ключевым методологическим *принципом*, обеспечивающим "поворот" [Umkehrung] в исследовании является определение *начала устойчивого воспроизводства*¹³⁶ новой сферы деятельности. В пункте "поворота" завершается историко-критический этап применения диалектического метода.

2. Теперь "поворот" становится новым *исходным пунктом* уже для второго этапа применения диалектического метода: метода исследования развивающейся и взаимодействующей с другими общественной объективации. В этом пункте объективно совпадают историческое начало некоторой реальной объективации (т.е. ее самая примитивная праформа) и простейшее диалектическое отношение, являющееся пределом расчленения исследуемого предмета (простейшая абстракция). Это и есть пункт единства логического и исторического, *начало* "восхождения от абстрактного к конкретному". В начале своих изысканий К. Маркс предполагал, что началом будет категория "стоимость"¹³⁷, но после завершения всего объема своих историко-критических исследований пришел к выводу, что *началом* "экономической формации общества" является *товар*, рассматриваемый им не как вещь, а как структура определенных форм деятельности общественных субъектов, образующая новое становящееся единство – товара как материального объекта и отношений потребительной ценности¹³⁸ и меновой ценности.

Фазы "восхождения от абстрактного к конкретному" уже подробно вскрыты и описаны Э. В. Ильенковым и В. А. Вазюлиным,¹³⁹ но в этом вопросе необходимо всё же сделать два замечания, касающихся отношений между двумя способами восхождения: от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

Первое: сама логика развертывания абстрактных категорий и отношений к более конкретным предполагает, что исследователю уже даны знания о целом конкретном предмете (в случае "Капитала" Маркса это *общественное производство*), полученные в ходе исторического развития науки о нём. Поскольку движение мысли у К. Маркса является *не логическим, а предметным*, то результат исследования определяется не абстрактной логикой развертывания идеи в сфере абсолютного знания (как происходит, например, в случае знаменитой гегелевской триады "бытие-сущность-понятие"), а

¹³⁶ Начало воспроизводства какой-либо общественной объективации фиксируется как проявление ее собственной *активности*, направленной на другие объективации.

¹³⁷ "Экономические рукописи 1857 - 1858 гг.". *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 218 - 219.

¹³⁸ Использование русскоязычного термина "ценность", а не "стоимость" на наш взгляд является более корректным переводом термина "Wert", используемого К. Марксом в своих работах.

¹³⁹ *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного... *Вазюлин В. А.* Логика "Капитала"...

действительным ходом исторического развития реальной объективации. Т. е. появление в составе теоретического знания новых отношений и понятий в разных формах диалектики оказывается различным. В методе Маркса – в отличие от диалектики Гегеля – оно зависит от форм развития предмета, которые были *обнаружены в действительности* в ходе историко-критического этапа исследования.

Второе: именно выстраивание категорий и понятий в рамках логики восхождения от абстрактного к конкретному и приводит к систематическому результату (теории), который можно применить на практике (например, в сфере экономической политики), либо использовать в обучении – для обеспечения нового цикла исследований при подготовке новых ученых. Это необходимая сторона развития научных исследований, нацеленных на всё более точное и достоверное понимание и объяснение общественной реальности.

Конечным *результатом* применения диалектического метода исследования у Маркса является описание структуры *общественной объективации*. Сам Маркс исследовал сложную структуру объективаций, образующих многоуровневую реальность экономики, на одном из уровней которой воспроизводится "капитал", хотя и не успел завершить свое исследование.

Для демонстрации работы диалектического метода К. Маркса рассмотрим в качестве примера одно из характерных мест из Введения к Экономическим рукописям 1857 - 1858 гг.: "... Первое *поверхностное представление*: в процессе производства члены общества приспособляют (создают, преобразуют) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает *пропорцию*, в которой каждый индивидуум принимает участие в произведённом; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при *распределении доли*; наконец, в потреблении продукты *становятся* предметами потребления, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно *общественным законам*; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления. Производство выступает, таким образом, *исходным пунктом*, потребление — *конечным пунктом*, распределение и обмен — *серединой*, которая, в свою очередь, заключает в себе два момента, так как распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен — от индивидуума. В производстве *объективируется* личность, в личности *субъективируется* вещь; в распределении общество принимает на

себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствованно между производством и потреблением, в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивидуума. Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидуумам; обмен определяет те продукты, в которых индивидуум требует часть, доставшуюся ему при распределении. Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, *правильный силлогизм* [в оригинале – Schluss – дословно "завершение или заключение", а не "силлогизм" – А. Ч. и И. Ф.]: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собой целое...¹⁴⁰ (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.).

Здесь К. Маркс использует следующую диалектическую структуру "общего – особенного – единичного", которая включает:

- базисное *отношение*: "начало – конец";
- *опосредование*: "середина", т. е. то, что существует между ними;
- самостоятельность *опосредования* в свою очередь удваивается (распределение и обмен) в виде (относительно) самостоятельных моментов;
- *моменты* исходят как из общества, так и из индивида, т. е. определяются собственными подструктурами этих актуально соотносящихся сущностей.

Личность становится объектом – с одной стороны, а вещь становится субъектом (а вовсе не потреблением) – с другой. *Распределение* несет структуру общества, служебную в действительном отношении между производством и потреблением. *Обмен* несет структуру индивида, служебную в действительном отношении между производством и потреблением. Таким образом, распределение и обмен фиксируют структуры этого взаимодействия как (относительно) *самостоятельные сферы деятельности*.

То есть в "правильном силлогизме" "производство – распределение – обмен – потребление":

Всеобщность	Обеспечивается тем, что	производство воспроизводится именно в форме <i>действительной связи</i> общества и индивида;
Особенности	вытекают из	<i>противоположных структурных моментов</i> (определяемых соотносительными местами в рамках связи) <i>опосредования</i> этой связи;
Единичность	завершает	возникновение <i>целого</i> (целое – здесь моментальное, преходящее, становящиеся, а не по-гегелевски всеобщее).

Причем продукт производства понимается Марксом не как отдельно существующий объект, а как момент совокупного взаимодействия, имеющий как

¹⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 714 - 715.

собственную объектную, материальную компоненту существования, так и существенную объективную определенность, актуализируемую субъектом. Иначе говоря, самостоятельное существование продукта – именно как продукта, а не как природной вещи – реализуется потому, что он опосредствует деятельность субъекта и выделяется в этом опосредствовании. Т. е. взаимодействие всегда имеет структуру опосредования, которая и создает связь как взаимозависимость, причем взаимозависимость выражает этот цикл воспроизводства.

Заметим также, что субъект, действующий в цикле общественного воспроизводства, не может быть рассмотрен как единичные действия индивида, напротив, у Маркса воспроизводственный процесс предполагает множество актов множества индивидов – только так конституируется взаимодействие. Что касается господства производства в "силлогизме", то это проистекает из того, что если оно (производство) не начнется, то не будет и всего остального¹⁴¹. Здесь Маркс фиксирует онтологическую проблему различения между возможными исходными пунктами и действительным. Потребление же становится моментом производства лишь постольку, поскольку производство является существенным – но существенность производства для жизни индивида определяется тем, что оно воспроизводится в его действительной жизни, а последняя является общественной жизнью.

Теперь можно сказать несколько слов о некоторых принципиальных следствиях для понимания исторического процесса, которые вытекают из диалектического метода Маркса.

1. Предопределенность развития какой-либо общественной объективации (например, *капитала*), обусловлена только внутренними законосообразными (существенными) связями, которые и формируют целостность этой объективации. Однако любая объективация не единственна и не тотальна. Следовательно, на ее развитие будут влиять усложняющиеся взаимодействия с другими объективациями. Так сам Маркс различает первичную объективацию, обеспечивающую воспроизводство материальных

¹⁴¹ "...Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет...". *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 717. "...Кроме того, рассматривать общество как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно. У одного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта. Здесь нужно подчеркнуть лишь самое важное, что если рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или отдельных [в оригинале *vierter* – "многих" – А. Ч. и И. Ф.] индивидуумов, они во всяком случае выступают как моменты процесса, в котором *производство есть действительно исходный пункт*, а поэтому также и *господствующий момент*. Потребление как необходимость, как потребность, само есть внутренний момент производительной деятельности, однако последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, к которому снова сводится весь процесс. Индивидуум производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивидуум. Потребление выступает, таким образом, как момент производства..." (курсив наш – А. Ч. и И. Ф.). *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 720.

условий ("хозяйство" – *Wirtschaft*), и возникшую на ее базе, но ставшую самостоятельной объективацией *производства материальных условий* жизни "рыночных" субъектов или *экономику*. Взаимодействие новых объективаций, возникших уже в рамках экономики (денежных форм капитала), с *хозяйством* объективировало в конечном итоге новую сферу деятельности – *финансы*, которые, в свою очередь, все больше влияют на развитие экономики.

2. Поэтому использование Марксом понятий "прогресс" и "регресс" ("разложение" и пр.) всегда относятся с той или иной степенью общности к определенным объективациям и не могут быть *распространены* на весь исторический процесс как многообразие взаимодействующих различных объективаций, каждая из которых имеет *собственную локальную историю* и объективную логику развития. Следовательно, постановка задачи у Маркса в историческом исследовании заключается в том, чтобы *описывать своеобразные законы каждой последующей специфической ступени*, отличающиеся от предыдущих, прежде всего, в силу ее особенных определений (включая взаимодействия с другими объективациями), составляющих именно ее специфическую сущность (самостоятельность).

3. Соответственно, интегральное историческое развитие всех общественных объективаций принципиально *нелинейно* и лишь локально может быть предопределено в рамках той или иной господствующей на данный исторический момент объективации.

Здесь мы подошли к пункту исследования, который вызывает многочисленные и бурные дискуссии среди исследователей, а именно проблеме применения диалектического метода и полученных с помощью него в научном исследовании у Маркса выводов о так называемой "революционной практике", в ходе которой (при переходе к коммунистическому обществу) должны быть "сняты" [*aufgehoben*] "противоречия" капиталистического общества. Этот пункт важен, т. к. здесь ярко проявляются противоречия между результатами применения метода и высказывания самого Маркса. Проблема состоит в том, действительно ли диалектический метод привел самого К. Маркса к его широко известным выводам относительно возможности и необходимости коммунистической революции. Эта проблема чрезвычайно сложна и сильно идеологизирована¹⁴², однако, на наш взгляд, все же здесь можно сделать ряд предварительных замечаний. В принципе известно, что самим К. Марксом коммунизм рассматривался не как некая "общественно-экономическая формация" (хотя так считает большинство людей, не читавших основные работы основоположников марксизма), а как

¹⁴² См., например, *Платонов С. После коммунизма. Книга не предназначенная для печати*. М.: Молодая гвардия, 1990; *Симония Н. А. Что мы построили*. М.: Прогресс, 1991. *Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал*. М.: Едиториал УРСС, 2004.

"действительный исторический процесс" (длящийся целую историческую эпоху), который приведет, в конечном итоге, к "снятию отчуждений", сформировавшихся в ходе исторического развития¹⁴³. Из этого совсем не следует, что коммунизм, как историческое движение является актуальным для революционной практики (соответственно и создания предпосылок и условий для коммунистической революции) в XIX - XX вв. Так же известно, что сам К. Маркс и Ф. Энгельс искренне считали (это фиксируется их многочисленными высказываниями в разных работах), что капиталистическая система к середине - концу XIX в. достигла зрелой (классической) формы своего развития и в ней стали образовываться материальные предпосылки для перехода к новым общественным способам производства ("упраздняющих частную собственность на средства производства"). Как это возможно?

Сформулируем гипотезу: 1) сам К. Маркс изначально осознавал, что исследование только такой объективации как капитал в "чистом виде" (без полного исследования земельной собственности, наёмного труда, государства, финансов и т. д.) принципиально неполно и не может быть основой для выводов о тотальном кризисе капиталистической системы; 2) но предметная логика исследования собственно капитала "как такового" с необходимостью приводит к заключению о его исторической ограниченности и будущей гибели;¹⁴⁴ 3) для выхода из этой ситуации требуется искусственно создать (сформировать) новую общественную объективацию, используя которую в ходе "революционной практики", можно было бы "снять" (позитивно преодолеть) пределы развития;¹⁴⁵ 4) для формирования новой общественной объективации потребуется организация массового общественного движения, которая только и способна изменить ход истории; 5) соответственно, для организации массового общественного движения нужна политическая партия, "вооруженная передовой теорией".

Нельзя не сказать о том, что в ряде своих работ ("Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта" (1852 г.), "Критика Готской программы" (1875 г.) и некоторых др.) К. Маркс

¹⁴³ "...Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние..." Немецкая идеология. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т.3. С. 34. См. также *Платонов С.* После коммунизма...

¹⁴⁴ Это обусловлено экспоненциальным расширенным воспроизводством капитала (возрастанием стоимости, а, следовательно, и ростом экономики), что с необходимостью приходит к своему пределу (ввиду ограниченности трудовых и материальных ресурсов).

¹⁴⁵ Интересно, что "революция" по К. Марксу в качестве одного из моментов своего движения (развития) должна обеспечивать "возврат" к сохранившимся базисным общественным отношениям, которые не были разрушены в ходе развития капитала. Это вполне согласуется с установленными историками "ощущениями" народных масс во время революции, которые считают, что восстанавливают "старые порядки". Например, английские пуритане во времена "Славной революции" (1640 - 1649 гг.) считали, что восстанавливают "древние английские свободы", попранные полуторавековой деспотией Тюдоров. См.: *Бергман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Никоновой Н. Р. 2-е изд. М.: изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1998. С 32, 39-47.

сам указывает на преждевременность действий рабочих партий по переходу к коммунистическим отношениям, но сама объективная логика революционного движения заставляет Маркса идеологизировать свои выводы. В результате К. Маркс утвердился в ошибочном представлении о зрелой форме развития капитала (что не соответствует результатам применения диалектического метода) и, соответственно, принял циклические кризисы тогдашней западной экономики за "предвестников" глобального кризиса капитала. Дальнейшее развитие и объективация идеологических компонентов марксова наследия в конечном итоге превратило некоторые реальные методологические и научные результаты в *учение*.

Следует отдавать себе отчет в том, что за рамками статьи остался открытым вопрос о процессе субъективного развития методических средств у самого К. Маркса. В ходе этого развития он трансформировал свои первоначально общие и спекулятивные знания о тогдашней экономике в достаточно развитую и адекватную теоретическую систему, а общие диалектические техники были "ассимилированы" предметным знанием и превратились (и обогатились) в научные методы исследования определенной области знания. Этот вопрос достаточно важен, т. к. его решение позволит более-менее точно определить степень достоверности и воспроизводимости методологических регулятивов (обнаруживаемых в работах разных периодов) в рамках *метода как целого*. Эти результаты важны не только для того, чтобы определить достоверность выводов самого Маркса, но и могут помочь оценить степень развитости методологических средств как ученых, изучающих экономическое наследие, так и современных исследователей экономико-финансовой реальности.

Завершая наше, по необходимости, краткое описание такого сложного предмета как диалектический метод К. Маркса, представим принципиальные пункты онтологической специфики его метода. На наш взгляд, последовательное применение Марксом технических диалектических категорий, и в первую очередь пар "непосредственное-опосредованное" и "предположение-полагание", имеет такие первоочередные методологические следствия:

- конкретизация теоретической конструкции "объект-в-мире";
- акцент на исследовании реальных взаимодействий мира;
- разведение в теории предпосылок и условий как конструкторов, относящихся к разным моментам взаимодействия "объектов-в-мире";
- особое внимание к исследованию самостоятельности существования объекта, при том предположении, что любой объект является объективацией;

- конкретное как "единство многообразного"¹⁴⁶ становится не только формой и условием познавательной деятельности, но и характеристикой конкретного объекта, выступая в качестве *методологического регулятива*.

* * *

В заключение работы сформулируем некоторые выводы:

1. Развитие диалектических практик имеет многовековую историю, которая показывает, что, несмотря на качественно различное содержание, вкладываемое в понятие "диалектика", наблюдается структурное сходство определенных форм деятельности (мыслительных ходов), которые могли до конца и не осознаваться исторически реальными философами в конкретных историко-культурных контекстах. Это в свою очередь приводило как к прерыванию конкретной традиции, так и к формированию нового содержания диалектических практик. Однако в конечном итоге, начиная с немецкой классической философии, можно говорить об устойчивой традиции развития диалектического метода, который был применен (и относительно успешно "ассимилирован" для применения в политико-экономической реальности) К. Марксом для критического исследования классической политэкономической теории. Это привело не только к выявлению "слабых мест" в текстах политэкономов, но и к качественно новому приращению позитивного научного знания о действительных экономических отношениях.

2. Реконструкция и развитие диалектического метода предполагает объективацию двух связанных, но относительно автономных направлений исследований:

- реконструкцию и выделение метода Маркса "в чистом виде" – предприятие, требующее значительной работы по отличению действительных структур метода от сделанных самим К. Марксом самоназваний и самоописаний собственных диалектических практик. Еще раз заметим, что структуры метода непосредственно были заключены в текущую повседневную исследовательскую работу, и рефлексия над ними зависела от внешних и внутренних обстоятельств, условий и предпосылок жизни самого К. Маркса, который, несмотря на очевидную мыслительную мощь, всё же был *существенно ограничен* своей эпохой;
- трансформацию вышеописанных диалектических техник и части уже реконструированных и проявленных методологических регулятивов (с

¹⁴⁶ "...Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного...". *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 727. На языке оригинала: "... Das Concrete ist concret weil es die Zusammenfassung vieler Beziehungen ist, also Einheit des Mannigfaltigen... ". Einleitung zu den "Kritik der politischen Oekonomie". Karl Marx Oekonomische Manuskripte 1857/1858. Text Teil 1. – Karl Marx Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA). Berlin, Dietz Verlag, 1976. S. 36, строки 26-28.

учетом достижений экономической теории и методологии XX в.) в современную методологию исследования реальных национальных экономик. Это позволит получить результаты не только отличные от выводов самого Маркса¹⁴⁷, но и возможно более применимые на практике, чем положения современных экономических теорий.

Первая задача является базой для решения второй, однако, в основном, она интересна для историков философии и историков экономических учений. Вторая задача, на взгляд авторов, более востребована¹⁴⁸. Поэтому для определения методологических и методических конструкций, сохраняющих актуальность в настоящее время, потребуется новый неангажированный подход к исследовательской практике и теории, элементы которого мы и пытались здесь представить.

3. В качестве одного из предметов исследования можно упомянуть проблему экономического развития, которая является весьма актуальной для российской экономики. Постановка этой проблемы в научном смысле потребует исследовать сложное взаимодействие исторически различно развивающихся объективаций "хозяйствования", "экономики" и "финансов". Результаты этого исследования, возможно, приведут к более качественной системе научных знаний о российской экономике, а это позволит более точно предсказывать не только кризисные явления, но и анализировать перспективы долгосрочного развития.

Статья опубликована в Сборнике: Философские проблемы экономической науки. Институт экономики РАН, 2009, с. 59-133

¹⁴⁷ В качестве примера можно привести предварительные результаты, полученные одним из авторов статьи, в ходе исследования особенностей инновационного ценообразования. Для этого ему потребовалось реконструировать онтологические структуры формирования цен в историко-методологическом контексте, что привело к другой концептуализации категории "стоимость", а это существенно повлияло на выводы исследования. См. "Раздел II. Теоретические основания концепции экономико-технологического механизма ускоренного развития НВТС (историко-методологический аспект)" - *Фролов И. Э.* Концепция экономико-технологического механизма ускоренного развития наукоёмкого, высокотехнологического сектора экономики и её теоретические основы // Концепции. № 1. 2007. С. 29 - 57. <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/frol01>.

¹⁴⁸ Это актуально, например, для глубокого теоретического осмысления процессов, происходящих в российской экономике, и воссоздания научной российской экономической школы. См., например, Теория капитала и экономического роста. М.: Изд-во. МГУ, 2004.